

ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Сборник статей по итогам межвузовской научной конференции БРЯНСК 28 октября 2025 г.

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
(БГУ)
Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Брянск – 2025

УДК 930.85+008.316.77+327

ББК 60.524.224.022+71.045

Т - 65

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Быков Андрей Юрьевич – доктор ист. наук, заведующий Лабораторией исследований современных Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН.

Слепнев Игорь Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Т - 65 **Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов.** Сборник статей по итогам научной конференции 28 октября 2025 г. / Под общ. ред. проф. В.Ф. Блохина, проф. Е.В. Петрова, проф. И.В. Алферовой. – Брянск, 2025. – 140 с.

Сборник статей подготовлен на основе докладов, прозвучавших на научной конференции «Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов». Заседание было проведено 28 октября 2025 г. на площадке Брянского государственного университета в очно-дистанционном формате. Организаторами конференции выступили: кафедра отечественной истории БГУ и Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание предназначено для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов.

Рекомендовано к печати кафедрой отечественной истории (Протокол № 6 от 17.11.2025 г.).

© Коллектив авторов, 2025.

© РИСО БГУ, 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

ТРАНСГРАНИЧЬЯ

<i>Чернышев К.Г., Петров Е.В., Ивицкая А.Н.</i>	БИБЛИОГРАФ СЛАВЯНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕКИ КОНГРЕССА США – С.Н. МИХАЛЕВСКИЙ (1896–1982)6
<i>Шишкина А.А., Петров Е.В.</i>	ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КИТАЕ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И.И. ГАПАНОВИЧА19
<i>Заикина М.А.</i>	ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ГОРОДА МГЛИНА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ (первая половина XIX – середина XX века)32
<i>Иванчик Д.С., Петров Е.В.</i>	«РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» В ПОВЕСТКЕ XXII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК45
<i>Цумарева Е.П.</i>	ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ГРАНИЦ НА РАЗВИТИЕ ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1772 – 1803 гг.)58

РАЗДЕЛ II
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Блохин В.Ф.	ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИИ И ЦЕНЗУРА ПЕРИОДИКИ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....68
Свиридова А.С.	РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ВСТУПЛЕНИЕ БОЛГАРИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)76
Тишина О.В.	ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ...86
Воронин Г.Г.	ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ РАБОТАХ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ: СПЕЦИФИКА НАДЗОРА.....94

РАЗДЕЛ III
ТРАНСГРАНИЧЬЕ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Попова Е., Фролова О.Е., Петров Е.В.	ТЕХНОЛОГИИ ТРЁХМЕРНОГО КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....109
Пономарёв И.И., Ринк А.А.	ПРОВОДНИК МЕЖДУ МИРАМИ: ИКОНОГРАФИЯ МЕРКУЦИО И ФЕИ МАБ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОСТАНОВКАХ. ПАРАЛЛЕЛИ, ЦИТАТЫ, МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ <i>К постановке проблемы</i>119

РАЗДЕЛ I
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ТРАНСГРАНИЧЬЯ

*Чернышев К. Г.,
Петров Е. В.,*

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

Ивицкая А. Н.

(Научный сотрудник архива ВИМАИВиВС)

**БИБЛИОГРАФ СЛАВЯНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
БИБЛИОТЕКИ КОНГРЕССА США –
С. Н. МИХАЛЕВСКИЙ (1896–1982)**

Аннотация: статья посвящена изучению профессиональной деятельности Сергея Николаевича Михалевского (1896–1982) – русского офицера, эмигранта, сотрудника Библиотеки Конгресса США. На основе материалов личного фонда С.Н. Михалевского, хранящегося в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) авторы характеризуют время его службы в качестве переводчика и старшего аналитика славянского отдела с 1949 по 1961 годы под руководством С.О. Якобсона. Делается вывод о вкладе С.Н. Михалевского в общее эмигрантское дело собирания и систематизации книжной коллекции «россиики» в библиотеке конгресса в Вашингтоне в 1950-ые годы.

Ключевые слова: наука и культура русского зарубежья, Сергей Николаевич Михалевский, славянская коллекция Библиотеки Конгресса США, российская научная диаспора в США, американская книжная россика.

В начале XX века ведущие библиотеки в США активно занимались крупномасштабными проектами покупок русских книг. История складывания большинства коллекций американской книжной «rossики» и «советики» свидетельствует о непосредственном участии в их комплектовании представителей русской

диаспоры. М.М. Ковалевский во время лекционного турне по Америке в 1901 г. отметил в своих мемуарах: «...Не было библиотеки, в которой я не находил русских евреев, приставленных к составлению каталогов. Многие из них обращались ко мне, иногда с такими вопросами: «Не правда ли лучший в России историк Смирнов? – Вы, вероятно, хотите назвать Соловьева. – Отвечал Я. – Спасибо. Мы его выпишем» [8]. Исследователи феномена русского зарубежья давно подметили, что за отъезжающими, как правило, тянулась за рубеж «волна» русской книги. Оказавшись на Западе, наши соотечественники стремились как можно быстрее восстановить связь с исторической родиной посредством книги. Еще в начале века русская эмиграция ощутила, как легко национальные книги и пресса «цементируют» разрозненных эмигрантов в качественно новую «транснациональную общность». Ведущую роль в деле сортирования книжной россии в США в начале XX века играли выходцы из российской империи: Ф.А. Голдер, А.В. Бабин, А.Ц. Ермолинский др. Г.В. Вернадский в письме родителям в 1928 году упоминал: «Вашингтон чудесный город, я был там и в их Государственном Архиве и в Библиотеке Конгресса, где замечательное русское отделение. И там, и там службы русские...» [3].

Библиотека конгресса занимала ключевое место среди ведущих в США книжных хранилищ славянских материалов. В ней хранились собрания редких экземпляров. В 1919 г. А.Ц. Ермолинский сопоставил материалы, находящиеся в русских коллекциях Библиотеки Конгресса и Нью-йоркской публичной библиотеки. В отчёте он сообщал: «В целом, библиотека произвела на меня впечатление хорошо подобранный коллекции фундаментальных и редких книг, касающихся широкого спектра проблем и представляющих лучшие работы русских академических кругов, но в основном относящиеся к русскому прошлому» [9].

В советской и российской книговедческой литературе достаточно много внимания уделялось вопросам истории комплектования библиотеки США русскими книгами. Об

этом писали а своих работах: А.Н. Николюкин, С.А. Пайчадзе, Н.В. Вишнякова, Е.Г. Пивоваров и др. Профессиональные судьбы самих библиографов библиотеки конгресса изучались в меньшей степени. Вместе с тем данный вопрос затрагивает персоналии тех сотрудников, кто своей подвижнической деятельностью укреплял престиж и репутацию библиотеки как информационно-славистического центра американской науки и культуры. Как правило, внимание исследователей было сосредоточено на изучении академического наследия А.В. Бабина. Крайне мало информации и сведений содержится в справочных изданиях о таких сотрудниках библиотеки Конгресса как С.О. Якобсон, М.З. Винокуров и мн. др. Нет в данных списках и имени русского эмигранта Сергея Николаевича Михалевского, много сделавшего для развития коллекции в 1950-е годы.

На сегодняшний день биография С.Н. Михалевского остается малоизученной. Историография представлена двумя публикациями. Первая – представляет из себя краткую биографическую справку, составленную С.В. Волковым для его проекта, посвященного участникам Белого движения в России [4, с. 569]. Соответственно, в ней более полное освещение дано периоду жизни русского офицера до эмиграции. Вторая – статья Л.П. Рудаковой, где биография Михалевского представлена более подробно. В данной публикации приведен анализ архивных документов, хранящихся в личном фонде С.Н. Михалевского, что представляет определенную ценность для исследователей, занимающихся изучением истории лейб-гвардии Семёновского полка [6, с. 165-170]. Биографический материал, приведенный в статье Л.П. Рудаковой практически полностью основан на воспоминаниях

его супруги Ольги Александровны Евреиновой, которая подробнее описала жизнь героя до эмиграции, нежели годы жизни, проведенные им вдали от исторической Родины.

Сведения о жизни Михалевского в послереволюционной России, а также о периодах эмиграции в Европе, а затем и в США носят весьма фрагментарный характер. Между тем, его работа в Библиотеке Конгресса США является важным этапом эмигрантского периода жизни. Во многом она напрямую соотносится с участием русских эмигрантов в складывании информационно-славистических ресурсов американских библиотек и архивов. Источниковую базу исследования составил комплекс неопубликованных документов из личного фонда С.Н. Михалевского хранящийся в архиве «Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи» (ВИМАИВиВС). Данные материалы были переданы его супругой на хранение в архив в начале 2000-х гг. для сохранения [1, л. 9]. Общее знакомство с ними позволяет сделать вывод, что они носят вторичный характер, по отношению к архивным документам С.Н. Михалевского хранящимся в библиотеке конгресса США.

Архивные документы представляют сведения о том, что Сергей Николаевич Михалевский родился в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян 15 апреля 1896 года. В 1914 году окончил Первую Виленскую гимназию, после чего поступил в Императорский Александровский Лицей. В апреле 1916 года принял решение добровольно оставить учебу, чтобы встать на защиту Родины. Он отправился вольноопределяющимся в Запасной батальон лейб-гвардии Семёновского полка. Затем по совету командира роты поступил на ускоренные офицерские курсы Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

1 февраля 1917 года последним царским выпуском он был произведен в офицерский чин и направлен в действующий Семёновский полк. Михалевский участвовал в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны, где за проявление особого мужества был награжден орденами Святой Анны IV степени с надписью: «За храбрость» и Святого Станислава III степени с мечами и бантом, а также был произведен в поручики.

После революционных событий начала 1917 года, беспорядков на фронте и вывода полка в резерв, он получил отпуск для завершения обучения в Петроградском Лицее. После октябрьских событий по состоянию здоровья Михалевский был уволен в отставку. Ему нужно было найти себе работу, чтобы обеспечить себя средствами к существованию в сложное для страны время. Весной 1918 г. он сдал экзамен при юридическом факультете Петроградского университета и некоторое время работал в Отделе по охране памятников искусства и старины при Петроградском окружном комиссариате по просвещению. В 1919 году из-за угрозы репрессий Михалевский нелегально пересек границу с Польшей, через которую благополучно перебрался в Югославию. Какое-то время он намеревался присоединиться к добровольческой армии, но так и не смог этого сделать. Михалевский вновь был вынужден искать новые источники дохода, чтобы дальше иметь возможность проживать в Югославии, которая только за 1919 год приняла порядка 15–20 тыс. эмигрантов из России [7, с. 20]. Там он нашел работу в конторе лесопильного завода, а в 1921 году женился на дочери полковника русской армии А. А. Евреинова - Нине Александровне Евреиновой. В совместном браке у них родилось два сына - Александр (1922) и Николай (1923).

В начале 1920-х годов Михалевский вместе с семьей эмигрировал в США, где благодаря своему художественному таланту устроился на работу, связанную с коммерческим рисованием. Однако привычные обстоятельства эмигрантского быта были нарушены внезапной кончиной его супруги от менингита в 1931 году. После ее смерти Сергей Николаевич вынужден был отправить сыновей во Францию, к их бабушке - Ольге Иосифовне Евреиновой, где мальчики воспитывались и посещали католическую школу. Хотя Михалевский продолжал работать в США, он ежегодно навещал детей. Спустя три года после смерти своей супруги он вступил в брак с ее младшей бездетной сестрой – Ольгой Александровной Евреиновой. Вскоре после этого вся семья полностью переехала в США.

С началом Второй мировой войны оба его сына служили добровольцами в американской армии, где в дальнейшем довольно успешно продвигались по ступеням военной карьеры. Сам Сергей Николаевич в это время служил чертежником на верфи, строившей транспортные корабли, задействованные в снабжении союзников в Европе [1, л. 1-7]. В 1949 году, когда коммерческое рисование временно пришло в упадок, он устроился переводчиком в Библиотеку Конгресса США в Вашингтоне. Ее славянская коллекция значительно пополнилась в межвоенный период за счет книгообмена с СССР и странами Центральной и Юго-Восточной Европы. О чем свое время свидетельствовал в письме родителям историк-эмигрант Г.В. Вернадский: «В библиотеке здешней я нашел много книг по русской истории, в том числе целые серии; как «Сборник исторического общества», «Русская старина» и прочее и видимо они готовы выписать, что мне нужно, у них есть какие-то агенты, которые так дешево

могут достать какие угодно русские книги, что я прямо удивляюсь, как это они ухитряются. Если бы у меня были книги, я, кажется, так не продал бы» [2]. В библиотеке Конгресса имелись: документы русской православной церкви на Аляске за 1774–1917 гг. (7 томов и 978 коробок); личный архив бывшего русского финансового агента в США В. Баркера за 1870–1920 гг., содержащий переписку об американских капиталовложениях в Россию (12 томов и 27 коробок); «Рукописи по истории России» за 1867–1937 гг. в фонде известного американского специалиста по России Джорджа Кеннана; так называемый «Эстонский архив», содержащий материалы эстонских организаций «перемещенных лиц» в Германии; личные рукописи известного русского инженера И.И. Сикорского; переписка А.М. Горького с поэтом Владимиром Ходасевичем; имеющиеся в музыкальном отделе библиотеки автографы Прокофьева, Стравинского, Рахманинова и др.

Библиотекой было заключено большое количество соглашений об обмене, в результате самого значительного из них библиотека получила из СССР 93-тысячную коллекцию, состоявшую главным образом из справочных книг и периодических изданий. В условиях, когда интерес к славянской проблематике в США значительно возрос появился спрос и были весьма востребованы «знатоки русского языка». Особенно это было необходимо для работы с попавшими к американцам в годы войны документальными коллекциями. Хранящиеся там материалы нужно было разбирать, переводить и анализировать [5, с. 155]. На этом посту С.Н. Михалевский проработал тринадцать лет – с 1949 по 1961 год. Важным событием, укрепившим его профессиональный статус, стало открытие в 1951 году Славянского отдела Библиотеки Конгресса США. Должность руководителя отдела занял Сергей Осипович Якобсон, брат известного в эмигрантских

кругах литературоведа Романа Осиповича Якобсона. Под руководством С.О. Якобсона с 1951 по 1971 годы отдел превратился в один из ведущих мировых центров по сбору, обработке и изучению информационно-славистических материалов. В славянском отделе библиотеки конгресса США была открыта справочная служба, располагающая картотекой статей по славянской тематике из вновь поступивших журналов на западноевропейских языках. Была подготовлена серия библиографических указателей в том числе: «Справочник по советским библиографиям» ("Guide to Soviet Bibliographies").

К началу 1950-х годов фонды Славянского отдела Библиотеки Конгресса США выросли до более чем 300 000 томов книг, 16 000 периодических изданий и 1400 газет. В течение данного десятилетия коллекция ежегодно пополнялась примерно на 21 000 книг, 5000 периодических изданий и 450 газет. Благодаря активной и подвижнической деятельности сотрудников отдела Библиотека Конгресса стала одним из крупнейших хранилищ славянских и восточно-европейских материалов за пределами СССР того времени. Весь этот огромный пласт материалов нужно было изучить, каталогизировать, систематизировать и сохранить для последующих поколений исследователей. Этим и занимались работники отдела. Штат отдела состоял в основном из числа русских эмигрантов, Библиотека Конгресса стала тем местом, где сотрудники встречались с коллегами и учеными, обменивались своими знаниями и личным опытом. Библиотечная среда позволяла Михалевскому находиться в эпицентре русской эмигрантской жизни в США и вести просветительскую работу о русской книжной культуре.

За годы работы С.Н. Михалевского в библиотеке была внедрена систематическая каталогизация славянских изданий, наложены книгообменные программы с американскими

научными центрами, а также создана эффективная справочно-библиографическая служба. Она включала в себя библиографический список всех русских изданий, напечатанных в США; список русских книгоиздательств и книжных магазинов; библиографический словарь русских писателей и ученых, живущих и посещавших Америку, материалы о русско-американской печати и мн. др.

С.Н. Михалевский вышел на заслуженную пенсию в 1961 году в должности старшего аналитика-исследователя. После себя он оставил большое документальное наследие, которое было передано его супругой в архив. Оно содержит различные материалы, которые не только представляют ценность для будущих исследователей, но и позволяют получить представление о том, какими мыслями он жил и чем занимался в период эмиграции. Стоит отметить его усилия по сохранению памяти об истории лейб-гвардии Семёновского полка: он собирал и систематизировал различного рода исторические документы, занимался подбором и атрибуцией фотографий сослуживцев для тематических фотоальбомов, оставил после себя эпистолярное наследие – вел активную переписку с бывшими однополчанами и аккуратно вырезал некрологи, посвященные кончине последних офицеров полка. Он активно участвовал в работе эмигрантских организаций, например, «Союзе ревнителей памяти императора Николая II», о деятельности которого Сергей Николаевич сохранил некоторую отчетность. Кроме того, С.Н. Михалевский собирал газетные вырезки на разные сюжеты, касающиеся истории России. Большинство выпусков периодических изданий относятся к 1940–1970-м годам. Однако его коллекция этим не ограничивается: в ней встречаются как более ранние материалы, так и более поздние публикации, которые продолжала собирать супруга после его смерти. Наиболее

полно его архив представлен вырезками из эмигрантских газет «Русская мысль» (Париж) и «Россия» (Берлин, Париж). Стоит отметить, что на вырезках газет отсутствуют какие-либо маргиналии, поэтому извлечение какой-то дополнительной информации из них исследователями представляется затруднительным. Тем не менее, набор материалов определенной направленности позволяет очертить круг его интересов в эмиграции. Исходя из идеологической направленности данных статей, становится очевидным, что Михалевский тяготел к церковно-монархическим кругам русского зарубежья, «ностальгировал» по исторической Родине, ее старому режиму и тяжело переживал трагическую гибель Царской семьи. Несмотря на то, что он придерживался подобных взглядов, его позиция была далека от крайностей, поэтому даже вдали от Родины он продолжал интересоваться жизнью соотечественников за железным занавесом. Когда границы Советского Союза открылись для иностранных туристов, С.Н. Михалевский воспользовался возможностью и несколько раз побывал в СССР. В одну из последних поездок он посетил родной Ленинград, где спустя десятилетия смог встретиться со своей сестрой, Татьяной [1, л. 7].

Сергей Николаевич Михалевский скончался 16 ноября 1982 года в возрасте 86 лет. Он похоронен на кладбище Коламбия Гарденс в Арлингтоне, в штате Вирджиния, в могиле на двоих. На могиле стоит гранитный памятник с выгравированным православным крестом и семёновским значком [1, л. 8]. После его смерти на историческую родину вернулась часть его архива, как память и свидетельство о службе русского эмигранта на благо сохранения и сбережения русской книги за рубежом. Участие русских эмигрантов в деле созиания книжной коллекции россии в библиотеке конгресса в Вашингтоне существенным образом повлияло на

развитие профессионального стандарта преподавания славистических дисциплин в университетах США в 1950-е годы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60. (Личный фонд С. Н. Михалевского) Оп. 1. Л. 1-8.
2. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 310. Л. 61; Вернадский Г.В. (сын академика В.И. Вернадского) письма родителям Н.Е. и В.И. Вернадским, 1927 г.
3. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Вернадский Г.В. Письма родителям, 1928 год. Нью-Хейвен Л. 2.
4. Волков С.В. Участники Белого движения в России [Электронный ресурс]: база данных на январь 2025 г., буква М. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf (дата обращения: 15.10.2025). С. 569.
5. Петров Е.В. Архивная Россика в США в первой половине XX века // Россика в США. М., 2001. С. 146-160.
6. Рудакова Л.П. Поручик Сергей Николаевич Михалевский: служба России и жизнь в эмиграции (1896–1982 гг.) // Военная история России XIX–XX веков: материалы VIII Международной военно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 165-170.
7. Столетие двух эмиграций, 1919–2019: сборник статей / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М., 2019.
8. BAR. Ms. Coll., M.M. Kovalevsky Papers. Box 3. Kovalevsky memoirs. Моя жизнь. По Америке Тетрадь XVIII, Том I, Тетрадь XIX, Том II, Тетрадь XX, Том III.
9. NYPL Archives. RG 6. Director's Office: E.H. Anderson. Slavonic Division folder.

*Chernyshev K.G.
Petrov E.V.*

(Russia. Saint Petersburg State University. Institute of
History)

Ivizkaya A.N.

(Archive of Military History Museum of Artillery, Engi-
neering Troops and Signal Corps

**Bibliographer of the Slavic Collection at the Library
of Congress –
Sergei Nikolaevich Mikhalevsky (1896–1982)**

Abstract: This article is devoted to the biography of Sergei Nikolaevich Mikhalevsky (1896–1982), a Russian officer, émigré, and bibliographer of the Slavic collection at the US Library of Congress. Based on sources, it describes his professional activities from 1949 to 1961, when he worked at the institution first as a translator and then as a senior analyst under the supervision of the renowned Slavist Sergius O. Yakobson.

Keywords: Sergei Nikolaevich Mikhalevsky, Life Guards Semenovsky Regiment, Russian abroad, Slavic Collection at the Library of Congress.

REFERENCES

1. Arxiv VIMAIViVS. F. 60. (Lichnyj fond S. N. Mikhalevskogo) Op. 1. L. 1-8.
2. ARAN. F.518. Op.3. D.310. L.61; Vernadskij G.V. (sy'n akademika V.I.Vernadskogo) pis'ma roditelyam N.E.i V.I.Vernadskim, 1927 g.
3. GARF. F.518. Op.3. D.311. Vernadskij G.V. Pis'ma roditelyam, 1928 god. N'yu-Xejven L.2.
4. Volkov S. V. Uchastniki Belogo dvizheniya v Rossii [E'lektronnyj resurs]: baza dannyx na yanvar' 2025 g., bukva M. URL:

https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchast-niki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_12-M.pdf (data obrashheniya: 15.10.2025). S. 569.

5. Petrov E. V. Arxivnaya Rossika v SShA v pervoj polovine XX veka // Rossika v SShA. M., 2001. S. 146-160.

6. Rudakova L. P. Poruchik Sergej Nikolaevich Mixalevskij: sluzhba Rossii i zhizn' v e`migracii (1896-1982 gg.) // Voennaya istoriya Rossii XIX-XX vekov: materialy` VIII Mezhdunarodnoj voenno-istoricheskoy konferencii. SPb., 2015. S. 165-170.

7. Stoletie dvux e`migracij, 1919-2019: sbornik statej / otv. red. A. Yu. Timofeev. M., 2019.

8. BAR. Ms.Coll., M.M.Kovalevsky Papers. Box 3. Kovalevsky memoirs. Moya zhizn'. Po Amerike Tetrad` XVIII, Tom I, Tetrad` XIX, Tom II, Tetrad` XX, Tom III.

9. NYPL Archives. RG 6. Director's Office: E. H. Anderson. Slavonic Divisio.

*Шишикина, А. А.,
Петров Е. В.*

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КИТАЕ:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И.И. ГАПАНОВИЧА**

Аннотация: авторы статьи рассматривают историографическое наследие русского историка-эмигранта Ивана Ивановича Гапановича (1891–1983), его вклад в изучение развития отечественной и зарубежной исторической науки первой половины XX века. Делается вывод о непрекращающем значение книги И. И. Гапановича «Russian Historiography outside Russia» (Peking, 1935) для осмыслиения историографической мысли русского зарубежья. Выявлены теоретико-методологические основы взглядов И.И. Гапановича во взглядах на зарубежную историографию истории России, свидетельствующие о нем как одном из видных и достойных представителей исторической науки российской эмиграции.

Ключевые слова: историографическая мысль русского зарубежья, русские историки-эмигранты в Китае, Иван Иванович Гапанович, историческая наука российской эмиграции, история историографии, российская научная диаспора.

Изучение теоретического наследия исторической науки русского зарубежья является одной из приоритетных тем отечественной историографии. Специалисты, занимающиеся изучением истории историографии, признают факт того, что « тот, кто владеет железной дорогой эпистемологии, контролирует всю территорию истории ». В русском зарубежье среди историографов хорошо известны имена таких авторов как А.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, К.Ф. Штеппа. В меньшей степени это относится к имени

И.И. Гапановича. Отчасти в силу того, что его книга первоначально была опубликована не в Европе и не в Америке, а в далеком Китае в 1935 году. Сегодня стараниями его биографов мы знаем, что Иван Иванович Гапанович (1891–1983) являлся выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета, видным представителем русской исторической мысли в эмиграции, чья научно-педагогическая деятельность в университетах Китая и Австралии оставила заметный след в развитии зарубежной историографии российской истории [3, 4, 7].

Квинтэссенцией академического наследия И.И. Гапановича является труд «Russian Historiography outside Russia», опубликованный в Пекине и переизданный во Франции в 1946 году с предисловием М.А. Таубе и переводом В.П. Никитина. Данная книга наряду с другими известными трудами А.В. Флоровского и Г.В. Вернадского является своеобразной «историографической рефлексией» науки и культуры русского зарубежья. При всем обилии ранее опубликованных сведений и данных о жизни и деятельности Гапановича в России и эмиграции, его биографы мало уделяли внимание историографическим взглядам историка-эмигранта [4, 7, 10]. В общих трудах по истории историографии практически ничего не говорится о его научном наследии и вкладе в развитии отечественной и мировой историографической мысли 1930-х годов.

Историческая мысль русского зарубежья, развиваясь вне политического и идеологического поля советской историографии в 1920-1930 годы [6]. Она занимала особую нишу, пытаясь сохранять преемственность с дореволюционными традициями отечественной исторической науки. В то время советская историческая школа перешла под полное «огосударствление» в 1930-е годы, ориентируясь на марксистскую методологию, представленную adeptами М.Н. Покровского. Гапанович в своей работе не только опирался на высокие традиции предшественников, но он еще и разоблачал миф советской историографии о кризисе дореволюционной исторической мысли.

Русская революции и последующие общественные преобразования в мире ставили перед историками всех стран необходимость в ревизии трактовок и оценок прошлого. Историкам предстояло уточнить периодизацию всемирной истории, найти теоретические основы для объяснений революционных изменений, что вызвало целую полосу историко-социологических дискуссий в 1925–1935 гг. «Интернационалистический подход ко всемирной истории делал совершенно обязательным рассмотрение в единой схеме стран как Запада, так и Востока: нужно было установить в чём сходство и в чём различие их исторических путей» (Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 176). В новых условиях обновлялся арсенал исторической науки. Перестраивалась система источниковедческого анализа, менялись методы исторических исследований, выдвигались новые историографические концепции. Данные обстоятельства во многом объясняют первоначальный замысел появления книги Гапановича. Ее автор обучался в Петербургском университете, но после революционных событий оказался в уникальной ситуации: будучи оторванным от исторической родины он имел возможность со стороны посмотреть на исторический образ России за рубежом, сопоставить отечественные и зарубежные подходы.

Следует отметить, что книга Гапановича на английском языке, изданная в Китае, была в своем роде эталоном историографической мысли 1930-х годов, затрагивающей обзор зарубежных работ, именовавшихся «руссоведением», в большей мере той исторической литературой, предметом исследования которой, являлась российская история. Гапанович был не первым, кто обращался к данной проблематике. До него аналогичную работу проводил в Праге историк-эмигрант А.В. Флоровский. Его перу принадлежит рукопись, текст которой долгое время хранился в фондах ГАРФ и опубликованный только в последнее время. В науке русского зарубежья к историографическим обзорам обращались многие историки, в том числе Г.В. Вернадский, Т. Варшер, К.Ф. Штеппа и др. Все это лишний раз свидетельствует о высоком про-

фессиональном уровне развития историографической мысли русского зарубежья. Именно теоретические сдвиги в понимании и развитии историографической традиции, равно как и социальные разломы общества легли в основу размышлений И.И. Гапановича.

Свое исследование Гапанович построил на изучении зарубежного опыта понимания исторических событий в России, в том числе смены новых трактовок, которые после русской революции обрели смысл в объяснении причин социального коллапса и падения институтов государственной власти в России. Данные вопросы легли в основу исследовательского интереса И.И. Гапановича. В качестве своих ранних предшественников в изучении данной темы, автор упоминает многотомное издание историка В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» и статью академика Н.И. Каarella «Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926 гг.)», опубликованную в сборнике «История и историки за пятьдесят лет: методы, организация и результаты исторической работы с 1876 по 1926 годы» [5].

Книга «Russian Historiography outside Russia» состоит из шести глав и охватывает период с 1881 по 1931 годы – то есть с момента правления Александра III до завершения первой пятилетки в СССР. В своем исследовании Гапанович ориентируется на проблемно-хронологический принцип, который позволяет ему проводить периодизацию, вычленяя в качестве приоритетных следующие периоды для более детального исследования: 1) Первоначальный период (1881–1905) – время активного интереса европейских и американских авторов к вопросам изучения истории России. В центре авторского внимания находятся труды Д. Маккензи Уоллеса, А. Леруа-Болье, А.Н. Рамбо и П.Н. Милюкова и др. 2) Второй период (1905–1918) – пик академической зрелости русской исторической науки, время, когда труды русских историков активно переводились и переиздавались за рубежом (Ключевский, Милюков, Платонов), а также работы зарубежных историков, таких как Р.Н. Бейн и К.Ф. Валишевский и др. 3) Третий период (1918–1931) – это эпоха революционных изменений и как след-

ствие, формирование эмигрантской исторической науки, время социальных реформ, породившее новые подходы и трактовки. Из трудов данного периода анализируются работы Т. Масарика, К.А. Штелина, Б. Пэйерса, Н.В. Брянчанинова, Б.Э. Нольде, Д.П. Святополк-Мирского и Е.Ф. Шмурло и др. 4) В отдельное направление, автором выделен критический раздел, относящийся к анализу марксистской и евразийской концепциям, представленных в трудах М.Н. Покровского и Г.В. Вернадского. 5) К числу новейших изданий своего времени Гапанович относит рассматриваемую им коллективную «Историю России» под общей редакцией П.Н. Милюкова, Ш. Сеньобоса и Л. Эйзенмана. 6) В заключительной части книги приведены обобщения. Автор дает обоснование современным подходам к изучению русской истории на Западе и отвечает на риторический вопрос: «Как создается русская история?». Гапанович размышляет об общих методологических проблемах исторического познания, включая сущностные вопросы о принадлежности России к европейской истории, поднимает вопрос о роли географического фактора в истории и критериях объективности исторических суждений [1].

Появление последних трех самостоятельных разделов в книге Гапановича, касающихся «марксизма» и «евразийства» во многом были обоснованы скептицизмом современного ему общества в отношении профессиональной деятельности историков, что являлось повсеместной практикой для 1930–1940-е годов. Развернувшаяся еще в 1930-е годы борьба за отказ от представления об истории как о сугубо описательной дисциплине, знакомящей исключительно с политическими событиями отдаленного прошлого, была характерна не только для советской России, но и для большинства европейских стран.

В 1937 г. по инициативе Лиги наций в Лондоне была создана международная конференция преподавателей истории. Пленарный доклад был символично озаглавлен «Яд, именуемый историей». В нём выдвигались три главных обвинения в адрес старой школы истории. Это то, что в основе своей она была хроникальной и абсолютно бесполезной при решении современных проблем. Но

главное, в чем упрекали историков, это за искусственно подогреваемый в школьных учебниках патриотизм. Главная рекомендация состояла в том, чтобы во всех школах земного шара преподавали одинаковую историю точно так же, как преподают одинаковую химию и биологию.

Второй общей чертой исторической науки 1930-х годов являлась тенденция к интернационализации исторических знаний и европеизация исторических курсов. Наиболее радикальные приверженцы данных взглядов не ограничились констатацией факта, а пошли дальше в своих выводах, требуя всесожжения учебников старой истории в качестве вклада в создание космополиса – всемирного братства людей. В 1933 г. Министерство образования Великобритании поднимает вопрос о необходимости пересмотра учебных планов по истории, мотивируя это тем, что существующие курсы делают упор на политические, конституционные и дипломатические подробности, а содержание учебников сводится преимущественно к деятельности канцлеров и военачальников.

В противовес этому предлагалась «новая история», дающая широкие возможности для изучения социального, экономического и культурного развития, ближе знакомящая учащихся с существующими институтами общества и соотношением национальных и международных проблем. Американская ассоциация обучения гражданственности обвиняла ведущие университеты США в том, что изучение современной истории в них заканчивается 1881 годом. По мнению многих, от исторического образования будет мало пользы, пока оно не станет обращаться к современности. Таким образом, политическая конъюнктура 1930 годов обязывала историков увязывать настоящее с прошлым. В эти годы науку «история» называли «политикой прошлого», а политику – «сегодняшней историей». Этой тенденции времени следовал и Гапанович в своей работе.

В отдельной главе Гапанович подвергает глубокой критике марксистскую интерпретацию истории в лице М.Н. Покровского. Он обвиняет его в: игнорировании исторических источников,

упрощённом экономическом детерминизме, русофобии и искажении фактов (в частности – в интерпретации роли России в Первой мировой войне). Гапанович подчеркивает, что труды Покровского ничего общего не имеют с наукой, они носят публицистический и явно идеологический характер, ориентированный, по его мнению, на «невежественного читателя». В отношении оценок «евразийства» Гапанович проявляет большую сдержанность. Он признает заслугу Г.В. Вернадского в систематизации данного подхода и указывает на его спекулятивность: преувеличение роли «степной» культуры, недостаточное внимание к византийскому наследию, произвольная периодизация на основе выборки «географических зон» [2].

Как историограф Гапанович вынужден обратиться к истокам развития отечественной исторической науки во 2-й половине XIX в., Он детально и подробно разбирает взгляды на российскую историю ведущих отечественных и зарубежных историков своего времени. И.И. Гапанович характеризует основные идеи, высказанные в классических трудах по русской истории С.М. Соловьева («История России с древнейших времен»), К.Н. Бестужева-Рюмина («Русская история»), В.С. Иконникова («Опыт русской историографии»), Д.И. Иловайского («История России»). Он разделил историков, состоящих в различных научных организациях (С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин и В.С. Иконников являлись университетскими профессорами) и на «частных» историков, специализирующихся на отдельный областях исторической науки, как историк церкви, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), и представляющих научные школы, как лидеры государственной школы в русской историографии – И.Д. Беляев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин.

В дальнейшем И.И. Гапанович переходит к характеристике трудов зарубежных специалистов по истории России. Он пишет, что иностранными историками предпринимались попытки создать цельные полотна истории России. такие попытки предпринимал известный французский историк А.Н. Рамбо. И.И. Гапанович от-

мечает тот факт, что пробуждение интереса у европейских обывателей не только к истории России, но и к ее культуре в начале XX в. было свойственно данному периоду. общественный интерес к русским делам в Европе повысил востребованность и популярность зарубежных специалистов по России. Профессиональный интерес И.И. Гапановича вызван вниманием к трудам британца Д. Маккензи Уоллес и француза А.Ж.Б. Леруа-Болье. При оценках работ зарубежных авторов Гапанович руководствуется подходом, сочетающим биографическое описание трудов автора, сравнительный анализ и критику изложенной исторической концепции. Он стремится к объективности, но не скрывает своих академических предпочтений: резко критикует марксистскую «школьную» историю Покровского и с большой осторожностью относится к евразийским построениям Вернадского.

Особенно подробно Гапанович останавливается на характеристике основных черт развития дореволюционной русской историографии, выделяя в качестве ведущих направлений ее развития две школы: 1) Московская (Ключевский, Милюков, Любавский) – акцент делается на социокультурном развитии и признании принципа географического детерминизма. 2) Петербургская (Бестужев-Рюмин, Платонов, Лаппо-Данилевский) – сосредоточена на политической и институциональной истории. Из «частных ученых», согласно классификации И.И. Гапановича, упоминается литературовед и этнограф, академик А.Н. Пыпин, опубликовавший работы по общей истории русской литературы и политических движений в России XIX в., историк В.И. Семевский, специализировавшийся на изучении истории русского крестьянства и конституционных движений в России XIX в.

В конце XIX в. сложилась украинская историографическая школа, созданная В.Б. Антоновичем, М.С. Грушевским и Д.И. Багалеем. Данные историки рассматривали историю Малороссии, как отдельную территорию, так и в составе различных государств (Киевской Руси, Великого княжества Литовского и т.д.). И.И. Гапанович отмечает рост изучения истории права и экономики в начале XX в. В первой области исторической науки он отмечает

труды следующих ученых: историка И.И. Дитятина, правоведа А.Д. Градовского, историка В.И. Сергеевича, историка М.А. Дьяконова, юриста А.Н. Филиппова и историка М.Ф. Владимирского-Буданова.

Во второй области исторической науки работали такие видные ученые как академик П.Б. Струве, экономист и историк М.И. Туган-Барановского, экономист И.М. Кулишер. Отдельно И.И. Гапанович говорит об «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского, в которой придерживался и развивал взгляды митрополита Макария (Булгакова) [1]. Далее И.И. Гапанович отмечает положительное влияние на европейскую публику самого факта, перевода и переиздания на иностранные языки книг отечественных историков (П.Н. Милюкова, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова).

Особую симпатию вызывает у Гапановича работа эмигранта-правоведа Б.Э. Нольде, рассматривающего русскую историю через призму эволюции правовых и политических институтов. В то же время он критикует взгляды Н.В. Брянчанинова за склонность к анекдотичности и «журналистскому» стилю, заимствованному у К. Валишевского. Во французском издании 1946 года к книге Гапановича были добавлены дополнения В.П. Никитина – востоковеда и эмигранта, который расширил охват труда, включив в него анализ работ И. Денисова, А.А. Экка, П. Паскаля и др., а также упомянув издания, появившиеся после 1935 года. Особенно значимо его внимание к «Владимирскому сборнику» 1938 года, ставшему символом сохранения дореволюционной академической традиции в эмиграции. Никитин также подчеркивает, что к концу 1930-х годов в СССР началась реабилитация национальной истории – на смену Покровскому пришел А.В. Шестаков, чей учебник вернул в школьную программу героические страницы русского прошлого.

Особую ценность книге Гапановича придает тот факт, что она была подготовлена к печати в Китае по следам прочитанных лекций предназначенных для аудитории китайских студентов. Все это позволяет говорить не только о дидактическом опыте препода-

вания Гапановича в Пекинском университете, но и поднимать вопрос о различных центрах присутствия русских историков-эмигрантов. Его труд стал своего рода «учебником», знакомившим зарубежную аудиторию с русской историографической традицией и помогавшим преодолевать культурные и языковые сложности. Это было особенно сложно в эмигрантских условиях бытия, когда русскому историку приходилось на английском языке, китайским студентам объяснять ход русской истории. Книга Гапановича, таким образом, не только обзорная, но и просветительская работа, нацеленная на формирование объективного взгляда на историю Россию среди зарубежной публики.

Гапанович стремится к объективности, но его взгляды были не свободны от эмигрантской точки зрения. Он отдает свое предпочтение «либеральной» и «академической» традиции (Милюков, Ключевский, Платонов), критикуя как марксистов, так и радикальные взгляды евразийцев. Однако, именно его взвешенность, отказ от крайностей и стремление к аналитическому синтезу делают его труд чрезвычайно ценным [8]. Важно отметить, что Гапанович не ограничивается констатацией историографического материала. Он классифицирует, сравнивает и оценивает, выявляя методологические различия между национальными школами: английская – военно-политическая, французская – культурно-институциональная, американская – социально-экономическая, русская – цивилизационная.

Труд И.И. Гапановича – это не просто критический обзор трудов зарубежных историков, а целостная концепция восприятия русской истории в контексте мировой историографии. Его книга, по сути, является признанием того, что историческая наука русского зарубежья смогла сохранить преемственность с дореволюционной исследовательской традицией. Труд И.И. Гапановича опередил свое время, поскольку первый марксистский учебник по историографии будет издан в СССР значительно позже, только в 1941 году за авторством Н.Л. Рубинштейна. Таким образом, историографическая мысль русского зарубежья благодаря трудам И.И.

Гапановича, была поднята на высокий профессиональный уровень, закрепив за историками-эмигрантами высокий профессиональный статус в мировой исторической науке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гапанович И.И. *Russian Historiography outside Russia*. Peking, 1935.
2. Вернадский Г.В. *История России*. Нью-Хейвен, 1943.
3. Гапанович И.И. (1891 – 1983) // *Russian Compatriots / зарубежные соотечественники*. Выпускники Санкт-Петербургского государственного университета – представители исторической мысли русского зарубежья: биографический справочник / отв. ред.-сост. Е. В. Петров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. С. 83-89.
4. Жернаков В.Н. Профессор Иван Иванович Гапанович / *Russians in Australia* (Melbourne). 1971. No. 2. P.4.
5. Кареев Н. И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926 гг.) // *История и историки за пятьдесят лет*. М., 1929.
6. Куденис В. Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 1. С. 235-260.
7. Лю Лэй, Рассказчиков П.О., Петров Е.В. Историк русского зарубежья И.И. Гапанович (Гэ БанФу) в Китае // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – МГУ: МАКС Пресс, 2021.
8. Милюков П.Н. *Россия и ее кризис*. Нью-Йорк, 1924.
9. Учебник как модель мира и общества: Коллективная монография / Под ред. Т.В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Издательство «Политехника Сервис», 2021. 446 с.

10. Рассказчиков П.О., Петров Е.В. Историографическое наследие русского зарубежья: труд И.И. Гапановича «Russian Historiography outside Russia. Peking, 1935» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2021

*Shishkina A. A.,
Petrov E. V.*

(Russia. St. Petersburg State University. Institute of History)

**HISTORIOGRAPHICAL THOUGHT
OF THE RUSSIAN DIASPORA IN CHINA:
SCIENTIFIC LEGACY OF I.I. GAPANOVICH**

Abstract: the authors of the article consider the historiographical legacy of the Russian emigrant historian Ivan Ivanovich Gapanovich (1891-1983), his contribution to the study of the development of Russian and foreign historical science in the first half of the 20th century. The author concludes that the book by I. I. Gapanovich entitled "Russian Historiography outside Russia" (Peking, 1935) is of lasting importance for understanding the historiographical thought of the Russian diaspora. The main directions, source base and methodological features of I.I.'s views are revealed. Gapanovich, testifying to him as one of the prominent and worthy representatives of the historical science of Russian emigration.

Key words: historiographical thought of the Russian Diaspora, Russian historians-emigrants in China, Ivan Ivanovich Gapanovich, historical science of Russian emigration, history of historiography.

REFERENCES

1. Gapanovich I. I. Russian Historiography outside Russia. Peking, 1935.

-
2. Vernadskij G. V. Iстория Rossii. N'yu-Xejven, 1943.
3. Gapanovich I.I. (1891 - 1983) // Russian Compatriots / zarubezhny'e sootechestvenniki. Vy'puskniki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta – predstaviteli istoricheskoy my'sli russkogo zarubezh'ya: biograficheskij spravochnik / otv. red.-sost. E. V. Petrov. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2022. C 83-89.
4. Zhernakov V.N. Professor Ivan Ivanovich Gapanovich / Russians in Australia (Melbourne). 1971. No. 2. P.4.
5. Kareev N. I. Otchet o russkoj istoricheskoy nauke za 50 let (1876–1926 gg.) // Iстория i istoriki za pyat'desyat let. M., 1929.
6. Kudenis V. Perevodchiki XVIII v. i stanovlenie istoriografii kak nauki v Rossii // Quaestio Rossica. 2016. T. 4. № 1. S. 235-260.
7. Lyu Le'j, Rasskazchikov P.O., Petrov E.V. Istorik russkogo zarubezh'ya I.I. Gapanovich (Ge' BanFu) v Kitae // Materialy' Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2021» / Otv. red. I.A. Aleshkovskij, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov, E.I. Zimakova. [E'lektronny'j resurs] - MGU: MAKS Press, 2021.
8. Milyukov P. N. Rossiya i ee krizis. N'yu-Jork, 1924.
9. Uchebnik kak model' mira i obshhestva: Kollektivnaya monografiya / Pod red. T. V. Artem'evoj, M. I. Mikeshina. - SPb.: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej; Izdatel'stvo «Politexnika Servis», 2021. - 446 s
10. Rasskazchikov P.O., Petrov E.V. Iсториографическое наследие russkogo zarubezh'ya: trud I.I.Gapanovicha «Russian Historiography outside Russia. Peking, 1935»// Materialy' Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2021» / Otv. red. I.A. Aleshkovskij, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov, E.I. Zimakova. [E'lektronny'j resurs]. M.: MAKS Press, 2021

Заикина М. А.

(Россия, Брянский государственный университет им.
академика И.Г. Петровского)

**ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ
ГОРОДА МГЛИНА
В ДОКУМЕНТАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ**
(первая половина XIX – середина XX века)

Аннотация: в статье на основе архивных документов реконструируется история еврейской общины города Мглина. Была прослежена социально-экономическая, религиозная и демографическая динамика общинной жизни еврейского населения. Также говорится о последствиях революции, Гражданской войны и, в особенности, Холокоста. Особое внимание в статье уделяется довоенному периоду, так как он являлся расцветом общинной жизни. В основе исследования история одной из еврейских семей-мещан – «Клямкиных», предоставляющая возможность показать особенности социальных условий жизни населения в данном регионе.

Ключевые слова: еврейская община, Мглин, черта оседлости, синагога, ревизские сказки, Холокост, мещанство, купечество, семейная история.

Это исследование имеет для меня не только академическую, но и личную ценность. Имея еврейские корни, я стремлюсь восстановить историю еврейского мира в небольшом городе Мглин, относящемуся к Брянской области. Мне показалось важным изучить еврейскую историю именно там, поскольку здесь еврейская жизнь была ключом до революции и позднее была трагически уничтожена в годы Холокоста и уже больше не восстановилась.

Несмотря на то, что тема еврейского населения Брянского края частично затрагивалась в работах исследователей (в частности, в статье В.П. Алексеева) [1], дореволюционный период остается наименее изученным. Основное внимание историков до сих пор было сосредоточено на катастрофе 1941–1943 гг., тогда как повседневная жизнь, экономическая роль и культурные традиции евреев Мглины в XIX – начале XX века оставались в тени.

Отчасти это связано с фрагментарностью сохранившихся документальных свидетельств ввиду последствий оккупации региона нацистами (1941–1943 гг.). Тем не менее, в фондах Государственного архива Брянской области удалось выявить отдельные материалы, проливающие свет на различные аспекты жизни еврейского населения в XIX–XX веках.

Основой представленного исследования об истории еврейской общины г. Мглины явились документы, хранящиеся в Государственном архиве Брянской области. По хронологическому принципу они делятся на две группы: дореволюционные фонды (ОДФ) и фонды советского периода (постреволюционный период). К основным документам относятся ревизские сказки (переписи населения), проводимые с начала XVIII в. до середины XIX в. и раввинатские книги синагог, фиксировавшие акты гражданского состояния еврейского населения вплоть до 1917 г., затем эти функции перешли к отделам ЗАГС.

Ревизии содержатся в фонде ОДФ 415 (оп. 2) «Мглинское уездное казначейство» [2], раввинатских книг синагоги не сохранилось, они погибли в период оккупации, однако часть мглинских еврейских фамилий можно обнаружить в документе «Синагога посада Клинцы» [3]: записи о рождении, бракосочетании и смерти».

Дополнительными источниками для изучения истории еврейской истории Мглины могут служить документы фискальных органов данного уезда. Например, документ «Податный инспектор Мглинского уезда» [4], включающий списки плательщиков квартирного налога по г. Мглину за 1917 г., журналы по квартирному налогу за 1908 г., книги торгово-промышленных предприятий за

1908 г. Еще один документ, где находятся нужные для нас сведения – «Мглинское участковое по подоходному налогу присутствие» [5] имеются именные списки плательщиков налогов г. Мглина за 1910–1912 гг.

«Мглинское раскладочное присутствие» [6] содержит книги торговых и промышленных предприятий по уезду, где хранятся именные списки с литерами «М» по «Ф» с указанием предприятий, торгового оборота купцов и мещан-евреев и другие сведения.

Поскольку в городе Мглине проживало значительное число еврейского населения, среди которого были купцы 3 гильдии, имевшие право голоса на выборах, то сведения об их участии в политической жизни Российской империи можно отыскать в архивном документе «Мглинская уездная комиссия по выборам в Государственную Думу» [7] в делах «Списки избирателей, исключенных и добавленных в 1912 г.», «Списки лиц, участвующих в выборах съезда землевладельцев в 1912 г.» Меньше документов сохранилось об истории евреев г. Мглина за советский период. Это объясняется тем, что Советская Россия стирала грани между сословиями и конфессиями, заботясь о формировании новой общности – советского гражданина.

Фонд 1097 «Клинцовский окрисполком» включает списки лишенцев (лишенных избирательных прав), куда попали евреи – представители купеческого сословия и зажиточные мещане, а также их ходатайства о восстановлении их избирательных прав за 1929–1930 гг. В фонде «Мглинского райисполкома» [8] можно найти списки непринятых в ряды РККА и списки социально-опасных элементов по Мглинскому уезду в 1930 г.

Огромный пласт документов за 30-е годы XX в. архив не содержит, поскольку в 1929 г. в связи с укрупнением административно-территориального деления прекратила действовать Брянская губерния, влившись в Западную губернию с центром в г. Смоленске. В связи с этим все документы данного периода отложились в Государственном архиве Смоленской области.

За период Великой Отечественной войны и оккупации Брянщины с 1941 по 1943 гг. основным источником являются документы «Исполнительного комитета Брянского областного Совета народных депутатов» [9] за 1944 – 1991 гг., который содержит материалы Чрезвычайной Государственной комиссии, целью которой было исчисление ущерба, нанесенного Брянской области немецкими захватчиками, где также имеются сведения, подтверждающие политику Холокоста в отношении еврейского народа со стороны оккупационных властей.

Выше перечисленные источники позволяют реконструировать социальную структуру еврейской общины, её профессиональный состав, особенности взаимоотношений с окружающим населением – то, что до сих пор оставалось за пределами внимания исследователей.

Представленная работа поможет восполнить лакуны в истории еврейских местечек Российской империи, проанализировать механизмы адаптации евреев в условиях «черты оседлости», сохранить память о людях, чьи имена могли бы быть утрачены. В своем исследовании я уделила внимание отдельно взятой семье мещан-евреев Клямкиных. Таким образом, через семейную историю я попыталась посмотреть на развитие еврейского мира местечка.

Первые документальные упоминания о еврейской общине в Мглине относятся к периоду 1618–1654 годов, когда город входил в состав Речи Посполитой. Эти источники хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГА ДА). В этот период еврейское население, как и в других регионах Польско-Литовского государства, преимущественно занималось арендой по-местий, финансовыми операциями и торговой деятельностью. Однако восстание Богдана Хмельницкого привело к практически полному исчезновению еврейской общины – ее представители либо погибли, либо были вынуждены покинуть эти земли.

Возрождение еврейской жизни во Мглине началось после включения этих территорий в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой. К 1811 году здесь вновь

сформировалась значительная еврейская община, которая к 1834 году достигла заметного влияния в экономической и социальной жизни города.

Одними из важнейших источников указанного периода являются ревизские сказки – переписи податного населения Российской империи, проводившиеся до 1858 г. Несмотря на неполную сохранность всех переписей, все-таки даже на основе сохранившихся, можно получить представление о социально-демографическом положении еврейского населения. Особую ценность сведения ревизских сказок представляют для генеалогических исследований, помогая изучению родословных известных еврейских фамилий в течение XIX века [10].

Ревизия 1811 года являлась внеочередной и проводилась с целью учета только мужского населения для сбора податей и рекрутёров к Отечественной войне 1812 года, женщины в ревизии не учитывались. Согласно этой ревизии, во Мглине проживало население еврейского происхождения: купцов 3-ей гильдии – 15 человек в 4 семьях, ремесленников – 28 из 26 семей, мещан – 426 в 216 семьях [10]. Всего по состоянию на 1811 год в данном населенном пункте числилось 469 мужчин.

В этой ревизии исследуемая семья Клямкиных не обнаружена, поскольку в последующей переписи 1850 года будет указано, что они прибыли во Мглин в 1837 году, что свидетельствует как о территориальном перемещении еврейского населения (из региона в регион), так и о изменении его социального статуса (например, из мещанского сословия в купечество и обратно).

По очередной ревизии 1850 года в исследуемом городе проживало 195 евреев-купцов, из них – 96 женщин и 99 мужчин. Всего – 9 семей.

Категории ремесленников в ревизии не имеется, поскольку они были ранее причислены к мещанскому сословию. Мещан-евреев во Мглине на 1850 год числилось 2503 человека. Из них мужчин – 1236, женщин – 1267. Всего 332 семьи [11]. Итого еврейская община города насчитывала 2698 человек (мужчин 1335) из разных сословий.

Даже с учетом данных исключительно по мужскому населению, можно смело сказать, что прирост населения в мглинской еврейской общине составил 866 человек, то есть практически население увеличилось в 1,5 раза.

В ревизской сказке 1850 года нас интересовала семья Клямкиных, которая значится в документе под номером 80. Согласно ревизии, глава семьи – Ханан Лейбов Клямкин, которому по предыдущей ревизии 1834 года было 23 года, а на момент текущей ревизии – 36. Он был в 1837 г. причислен в мглинское мещанство (откуда и по какой причине он прибыл в документе не указано). Ханан Лейбов женат на Бейле Еселевой 35 лет. Они имели детей: Кусель (3 года в 1834 г.) 16 лет, Лейба 13 лет, Злата 8 лет, Мириам 6 лет, Есель 3 года [12].

Происхождение еврейского населения Мглина отчасти можно проследить по этимологии фамилий, сложившихся в этой среде к концу XVIII века. Большинство из них образовано по славянским моделям: польские фамилии на -ский (распространённые в то время и на украинских землях), белорусские на -ич, русские на -ов, -ев, -ин, а также украинские на -ко. Анализ фамилий позволяет сделать предположения о географических корнях данных семей.

Например, польское происхождение обнаруживают такие фамилии, как: Каплинский, Орловский, Залмаковский, Галицкий, Мстиславский.

Белорусские корни прослеживаются у следующих фамилий: Агранович, Гуревич, Бабавник, Файбисович, Исакович.

Русское происхождение демонстрируют такие фамилии еврейских семейств, как: Брюков, Левин, Хайкин, Орлов, Каганов, Белкин, Мирмов.

Некоторые из фамилий имеют немецкие корни, например, Альтшулер, Штейнгарт, Гафт, Авербах, Гинзбург.

Несколько фамилий возникло в форме «чистой основы»: Фраг, Пиндрик, Кукуй, Шапиро, Гетман.

В ревизии купцов и мещан 1811 и 1850 годов евреи записывались, как и русские, с именем, отчеством и фамилией.

Отчество писалось не на -вич, что было в то время дворянской привилегией, а на -ов, или -ин, что означало «сын такого-то». Например, в исследуемом семействе, глава записан следующим образом: Ханан Лейбов Клямкин, то есть Ханан, сын Лейбы по фамилии Клямкин.

Ревизские сказки могут пролить свет на вопрос участия евреев в рекрутской повинности. Русская армия в крепостное время рекрутировалась из славян: русских, украинцев, белорусов. Преследуя цель ассимиляции евреев, император Николай I приказал забирать в армию и евреев сроком на 25 лет. «Устав рекрутской повинности и военной службы для евреев» [13]. Каждая община должна была выставлять определенное количество молодых людей от 12 до 25 лет. Их определяли в военные школы кантонистов, где они принудительно переходили в православие.

Работа с ревизским сказками показывает, что рекрутеров-евреев из купеческих семей не поступило ни одного. В основном призывались юноши из бедных семей или сироты. Так, круглого сироту Еселя Гершина Родкевского отдали в рекруты в возрасте 14 лет в 1834 году. Евсея сына АRONA Лейбова, оставшегося без родственников, которые находились в «безвестной отлучке», отдали в рекруты в возрасте 14 лет [14].

Согласно законам Российской империи, евреи, в отличие от помещичьих крестьян, не были закрепощены, но тем не менее, их личная свобода была существенно ограничена. Селиться они могли только в городах и mestechках черты оседлости и без разрешения властей не имели права менять свое место жительства. Тем не менее, в ревизских сказках очень часто встречаются записи «в безызвестной отлучке», что говорит о побегах и незаконном передвижении. Евреи были значительно урезаны в правах, они не могли селиться в больших городах центрального региона России, а также в столицах. На поступление в высшие учебные заведения существовала квота от 3 до 5% [15].

Численность еврейской общины показывала значительный рост, пока не была проложена в 1887 году Полесская железная дорога. Поскольку она прошла в стороне от города, значение Мглина

начинает падать. Часть купцов и мещан, в том числе евреев, переселяется в Почеп, Клинцы и другие города России. Об этом свидетельствуют данные раввинатских книг Клинцовской синагоги начала XX века. Например, в раввинатской книге 1892 года упоминаются мглинские мещане: Гирша Давидович, его отец Алкер Давид Янкелев и жена Бейла Янкелевна, Ицка Янкель Лейбовна, жена Лея Юдовна и сын Арон, Абрам Лейбов Карасик, жена Либа-Двора Янкелевна и дочь Хана-Бейла [16].

Поскольку сельскохозяйственный труд был недоступным для еврейского населения, оно занималось торговлей и ремеслом. В деле налогоплательщика мещанина Клямкина Хацкеля Хононовича от 1916 года имеются следующие сведения: семья проживала на Базарной площади в центре города, его семья имела две торговые лавки, а именно: по скupке пеньки и мучной торговле. Данное семейство сдавало имеющееся недвижимое имущество (жилые помещения) Фильковскому Моисею Мейлахову, Дразе Абраму Бенугонову. Согласно сведениям о доходах семейства Клямкиных, сумма по текущим счетам составляла 66 рублей, деньги находились в мглинском обществе взаимного кредита. В промысловом свидетельстве значится торговый оборот данного семейства – 12000 рублей, а ежегодная прибыль составляла 720 рублей (на 1917 год) [17].

Торговали, в основном, в мелочных лавках хлебом, пенькой, солью, конопляным маслом, соленой рыбой, мелом, скupавшимся по дешевой цене у окрестных крестьян. Пеньку и масло отправляли к Рижскому порту, стада скота гнали в Москву и Петербург. Из ремесленников больше всего было сапожников, портных, овчинников (кушнерей), кузнецов, мясников, медников, ткачей, красильщиков, гончаров.

Во главе еврейской общины стояли раввин и старейшины. В городе существовало земское страховое общество, из 12 членов которого было 7 евреев. Вот имена этих людей: мещанин Натан Аронович Гозенцвейн, мещанин Зелик Еселеv Хенъкин, дантист

Яков Самуилович Хазанов, мещанин Берка Моисеев Контор, мещанин Янкель Нисонов Хайкин, мещанин Берка Гиршев Кронрод, мещанин Зелик Лейбов Хенъкин [18].

В конце XIX – начале XX века действовали одна каменная синагога и четыре молитвенных школы [19]. Синагога стала культурным центром еврейской жизни этого города. Согласно сведениям от мглинского исправника для составления приложения ко всеподданнейшему отчету за 1911 год, в городе проживало жителей иудейского вероисповедания: мужчин – 1632 человека, а женщин – 1737 человек [20]. В таком же отчете за 1913 год иудеев насчитывалось – мужчин 1769 человек, женщин – 1861 человек, что показывает прирост иудейского населения [21]. Часть малоимущих евреев пользовалась благотворительностью в общине.

Их точное количество определить сложно, но в среднем по России того времени таковых было от 14 до 20 процентов от общего числа еврейского населения. Члены еврейской мглинской общины собирали деньги для уплаты налогов, на содержание синагоги и кладбища, содержание раввинов и учителей, на благотворительную помощь беднякам. Община имела общественную бойню для забоя скота по правилам, необходимым для приготовления кошерной пищи и баню для ритуального очистительного омовения – микву. Около 1855 г. во Мглине было основано две молитвенных школы, где происходили молитвенные собрания, а дети изучали Тору и Талмуд.

С юго-восточной стороны от Мглина на месте древнего городища было выделено место для еврейского кладбища, которое содержалось общиной и сохранилось до нашего времени в заброшенном состоянии. Там имеется несколько могильных плит, сильно ушедших в землю, на некоторых из них еще можно увидеть надписи на идиш, относящиеся к началу XX века [22].

В 1911–1913 гг. внимание всей России привлекло «дело Бейлиса», которое черносотенцы пытались использовать в качестве кровавого навета против еврейской диаспоры. Двухлетний суд над Бейлисом повлек за собой серию еврейских погромов по всей России. Погромы затронули и Мглин. В документах архива

данный факт не отразился. Однако по воспоминаниям очевидцев «во время отступления Красной армии под напором немецких войск красногвардейцы и матросы устраивали резню евреев в городах и mestechках Черниговской губернии. В марте 1918 г. они убили 15 евреев в г. Мглин» [23].

Демократизация общественной жизни в 1905–1917 годах, ее революционные события давали шанс евреям (особенно молодежи) порвать с mestechком и с общинной жизнью города Мглина. В этот период покинула Мглин и семья Клямкиных, которая накануне Великой Отечественной войны оказалась в Брянске. Большой город, железнодорожный узел, имеющий массу промышленных предприятий, давал больше шансов на успешную торговлю.

Революция 1917 года окончательно стёрла черту оседлости, и многие евреи покинули mestechki, отправившись в большие города центрального региона России. В связи с этим наблюдаются изменения в демографии еврейского населения, это демонстрирует переписи населения 1923–1925 годов, отложившаяся в ФР 102 «Брянское губернское статистическое бюро». Однако точные статистические данные определить сложно, так как национальность в карточках переписи не указана.

Новый приток евреев во Мглин произошел с началом Гражданской войны и интервенции, о чем свидетельствует фонд 1266 [24]. В списке беженцев, проживающих в Мглинском уезде и засвидетельствованных на выезд, значатся, например, Абрат Бенцев, 62 года, жена Мина, дочь Люба и Сарра: сапожник, еврей, Майзель Герман Давидов – сапожник, 32 года, Баракан Давид Хаимов, 30 лет, приказчик, жена Двейра, сын Хаим. Списки позволяют судить об основных профессиях евреев: сапожник, приказчик и др. [25].

В конце 20-х годов XX века в России начинается масштабная антирелигиозная компания, в ходе которой закрываются учреждения религиозного культа. В этот период происходит их передача клубам профсоюзов, хозяйственным органам

Советской России. В этот период закрывается синагога и молитвенные дома во Мглине. Религиозная жизнь еврейской общины уходит в нелегальное русло.

В период Великой Отечественной войны Мглин был оккупирован с 16 августа 1941 года по 22 сентября 1943 года. С началом оккупации в городе был установлен «новый порядок», который в числе прочего основывался на антисемитском законодательстве. Город наводнила антиеврейская пропаганда, целью которой было разжигание межнациональной розни народов, веками проживавших вместе на одной территории. Была проведена перепись населения с выделением отдельной группы – евреи. Они были лишены прав и собственности, многие из них попали в гестапо.

Согласно актам Чрезвычайной Государственной Комиссии, сохранились показания свидетелей о том, что «Немцы ловили евреев, цыган и коммунистов, привязывали их к шестам на расстоянии от 0,5 до 2 метров друг от друга и гнали на минные поля, где обреченные взрывались на минах». Более подробные сведения о периоде оккупации дают сохранившиеся воспоминания очевидцев. После событий Великой Отечественной войны привычный быт еврейского местечка уже больше никогда не восстановился. На данный момент существует всего лишь один памятник советского времени о расстреле мирных советских граждан, установленный на месте расстрела на выходе из города в овраге.

Проведенное исследование позволило проследить сложный и драматичный путь еврейской общины Мглина: от ее активного развития в дореволюционный период до почти полного исчезновения в наши дни. В XIX – начале XX века община переживала бурный рост, однако демографические процессы резко изменились под влиянием революций, Гражданской войны и массового исхода евреев за пределы черты оседлости.

Самый страшный удар нанесла Вторая мировая война: нацистская оккупация и Холокост привели к почти полному уничтожению многовековой истории местного еврейства – от времен Великого княжества Литовского до трагедии XX века. После войны община так и не смогла возродиться в прежних масштабах.

Лишь с конца 1990-х годов началось ее символическое восстановление, но сегодня во Мглине осталось не более десяти евреев, что свидетельствует о невосполнимых потерях.

Данное исследование может быть продолжено с использованием документов иных архивов (Москва, Орел, Смоленск), а также с привлечением свидетельств очевидцев, спасшихся евреев, выживших и вернувшихся из оккупации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Еврейская община г. Мглина в первой половине XIX века / <http://old.mglin-krai.ru/IzbrannieStranici/EvreiskayaObschina.htm> (дата обращения: 1.12.2025).
2. ГАБО, ОДФ 415. Оп. 2. Д. 7. Лл. 50-74 об.
3. ГАБО, ОДФ 585. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАБО, ОДФ 447. Оп.1. Д. 1.
5. ГАБО, ОДФ 367. Оп. 1. Д. 31, 32.
6. ГАБО, ОДФ 404. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАБО, ОДФ 562. Оп. 1.
8. ГАБО, Ф.Р-2346.
9. ГАБО, Ф.Р-6.
10. ГАБО, ОДФ 415. Оп. 2. Д. 7. Лл. 50-74 об.
11. ГАБО, ОДФ 415. Оп. 2. Д. 51. Лл. 540-698.
12. ГАБО ОДФ 415. Оп. 2. Д. 51. Лл. 565 об.-566.
13. В кн.: ЛЕВАНДА В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб, 1874. О некоторых попытках еврейства противостоять введению рекрутской повинности см.: Архив еврейской истории. М. 2006. Т.3. С. 233-250.
14. ГАБО, ОДФ 415. Оп. 2. Д. 16. Лл. 86 об. - 87, 116 об. – 117.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 28. № 21547. С. 731.

-
- 168 16. ГАБО, ОДФ 585. Оп 1. Д. 1. Лл. 159 об, 160 об.,
17. ГАБО ОДФ 367. Оп. 1. Д. 31. Лл. 3-8.
18. ГАБО ОДФ 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.
19. ГАБО ОДФ 493. Оп. 1. Д. 4. Лл. 6-6 об.
20. ГАБО ОДФ 493. Оп. 1. Д. 4. Л. 101 об.
21. ГАБО ОДФ 493. Оп. 1. Д. 4. Л. 99.
22. Белова Ольга, Петрухин Владимир // Информпространство «Антология живого слова» // Истории Брянского края.
23. Память говорит. Книга вторая. Брянск, 2014. С. 14.
24. ГАБО ОДФ 1266. Оп. 1. Д. 2. Лл. 53, 55-55 об., 59-59 об.
25. ГАБО, ФР-1023. Оп. 1. Д. 9. Лл. 53, 55, 55 об.

Zaikina M.A.

(Russia, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky)

**HISTORY OF THE JEWISH COMMUNITY OF MGLIN
IN DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVES OF THE BRY-
ANSK REGION (from the first half of the 19th to the mid-20th
century).**

Abstract: This article reconstructs the history of the Jewish community of Mglin based on archival documents. The socioeconomic, religious, and demographic dynamics of the Jewish community's life are traced. The consequences of the Revolution, the Civil War, and, in particular, the Holocaust are also discussed. Particular attention is paid to the pre-revolutionary period, as it represented the heyday of community life. The study is based on a focused analysis of one Jewish bourgeois family, the Klyamkins, to gain a deeper understanding of the social life of the population in this region.

Keywords: Jewish community, Mglin, Pale of Settlement, synagogue, census records, Holocaust, bourgeoisie, merchants, family history.

**Иванчик Д. С.,
Петров Е. В.**

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

**«РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ»
В ПОВЕСТКЕ
ХХII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Аннотация: В статье анализируется опыт участия российских историков в работе Международного конгресса исторических наук (МКИН) в г. Цзинане в 2015 г. Рассматриваются основные подходы в изучении отечественной истории, представленные в программных документах и на заседаниях тематических секций МКИН. Авторы определяют общие подходы и принципы в реализации современной «исторической политики» в РФ и Китае, выявляют специфику и особенности опыта международного сотрудничества российских и китайских историков.

Ключевые слова: международный конгресс исторических наук (МКИН), Генеральная ассамблея МКИН, международный комитет историков, науковедение, историческая политика, научная дипломатия, международные институты и организации исторической науки.

*«Наука не там, где руководят,
а там, где учатся друг у друга».*

Ю. Либих.

В современной системе международных академических отношений важная роль традиционно отводится институту «научной дипломатии». О значении «дипломатии в науке» и «науки для дипломатии» достаточно много говорится и пишется в профессиональной литературе по международным отношениям. (Петров

А.Ю. [6], Бородкин Л.И. [2], Бибиков М.В [1],, Васеха М.В. [3], Леонтьева О.Б. [8; 9], Эрдман К.Д. [11] и др.). Для дореволюционной и советской историографии была свойственна высокая степень вовлеченности в систему международных академических связей.

Квинтэссенцией многолетней практики, является участие российских историков в работе таких международных организаций как Международный конгресс исторических наук (МКИН). По мнению большинства экспертов, МКИН – это эффективный инструмент, позволяющий средствами «научной дипломатии» отстаивать интересы международной корпорации историков в глобальной мировой политике. Участие в работе Генеральной ассамблеи МКИН позволяет не только формировать текущую повестку работы, но и всемерно укреплять академические связи национальных комитетов историков, демонстрировать достижения национальных исторических школ, обсуждать будущее исторической науки.

Структура Международного конгресса исторических наук (МКИН) изначально была организована в начале XX столетия таким образом, что она традиционно являлась неправительственной, международной академической организацией, объединяющей и консолидирующей мировое профессиональное сообщество историков. Резолюции МКИН по существу и форме носят рекомендательный характер для национальных исторических школ, для определения выбора стратегических приоритетов развития на пятилетний период.

Проведение конгрессов МКИН ведет свое начало с 1900 года. У каждой страны-участницы накопился собственный опыт сотрудничества с международным конгрессом историков. Нам представлялось важным акцентировать внимание на том факте, что российские историки стояли у истоков организации работы МКИН и за долгие годы накопили бесценный опыт взаимоотношений с национальными комитетами историков из разных стран. В современных условиях историки из РФ и КНР коллегиально отста-

иваю общие интересы в международных профессиональных исторических ассоциациях и институтах. Наиболее ярко это проявилось при проведении крупнейшего за всю историю МКИН XXII конгресса в городе Цзинань в 2015 году. Данный опыт представляет несомненный интерес для сравнительного анализа, поскольку позволяет обсуждать перспективы укрепления международного сотрудничества российских и китайских историков.

Обобщение опыта работы и участия двух стран способствует формированию новых стратегий для укрепления позиций РФ и КНР в формировании повестки развития мировой исторической науки. В современном международном сообществе профессиональных историков происходят эволюционные изменения, отражающие общий структурный сдвиг в глобальной мировой политике, затрагивающий в частности принципы представительства национальных организаций и институтов. Работа МКИН в Цзинане обозначила символический переход от доминирующего положения европейских стран в формировании глобальной повестки развития исторической науки к складывающейся системе поликентричных интересов. Китай активно и успешно занимается продвижением в глобальных исторических институтах собственной национальной «исторической политики», повсеместно расширяя академические контакты и используя себе во благо институты «научной дипломатии». Следует заметить, что в трудах и работах по истории исторической науки, вопросам изучения роли и места Китая в организации и проведения МКИН до сих пор не уделялось должного внимания. Основная проблематика исследования заключается в том, что у России и Китая наблюдаются общие стратегические интересы, в равной мере, как и тактические различия в подходах к участию в работе международных конгрессов. Китай активно использует свои институциональные ресурсы для продвижения национальной исторической политики, в то время как РФ сталкивается с ограничениями: слабой интеграцией в международные академические организации, недостаточной поддержкой программ академических обменов, отсутствием совместных программ подготовки профессиональных кадров.

Впервые идея организации международных конференций, посвященных историческим исследованиям, была высказана в 1898 г. на Международном конгрессе по истории дипломатии в Гааге. Через два года в 1900 г. в Париже был организован и проведен I Международный конгресс исторических наук. Он охватывал проблематику сравнительно-исторического подхода. На данном конгрессе российскую историческую науку представляли с теоретическими докладами М.И. Винавер и Н.В. Голицын. Один из них был посвящен Великой крестьянской реформе в России и отмене крепостного права. Другой, влиянию французского гражданского права [5].

Первые исторические конгрессы являлись своеобразной витриной достижений национальных государств в развитии науки и культуры. Они являлись показателем сложившегося положения дел в профессиональном сообществе историков, характеризуя общее и особенное в системе исторического образования, развитии национальных методик и дидактик преподавания истории.

Изначально на протяжении долгого периода времени основной чертой состоявшихся конгрессов являлась их «европоцентричность» (подавляющее участие в них принимали историки из европейских стран, в равной мере, как и сами конгрессы не проводились за пределами Европы). Так, на IV конгрессе в Лондоне азиатский континент представляли всего 7 человек, что составило 0,7% от общего числа участников. Общее направление работы конгрессов было традиционно ориентировано на изучение проблематики свойственной европейской истории: доминировали национальные и сравнительно-европейские исторические вопросы. Следует отметить, что отечественные историки активно боролись за право проведения МКИН в России, но события 1917 года внесли корректизы в заявленную повестку его работы в Санкт-Петербурге.

В начале 1920-х годов для прогрессивно настроенных историков все более очевидной становилась мысль о том, что разовые конгрессы мало способствуют регулярному научному обмену. Необходимо было вести планомерную, систематическую работу.

В 1923 году на V конгрессе в Брюсселе была озвучена идея о необходимости создания постоянного комитета.

Важную роль в ее реализации сыграл норвежский историк Халвдан Кот. В мае 1926 года в Женеве был учрежден международный комитет историков (Comité International des Sciences Historiques – CISH). Комитет задумывался как международная неправительственная ассоциация, основной задачей которой является содействие историческим наукам путем международного сотрудничества. Изначально в МКИН входило 19 национальных комитетов, которые преимущественно являлись европейскими.

После Второй мировой войны конгрессы возобновили свою работу. IX съезд прошёл в Париже в 1950 году при поддержке ЮНЕСКО и правительства Франции. Он объединил в своей работе 1.400 участников из 30 стран. На нем обсуждались актуальные вопросы демографии и социальной истории. В условиях «холодной войны» МКИН являлся площадкой для налаживания связей и диалога».

К.Д. Эрдманн отмечал, что в данный период МКИН являлся своеобразным «мостом» между научными сообществами социалистических и капиталистических стран. Качественно новый рубеж в работе МКИН наметился в 1960-1980-е годы, когда конгрессы стали проводиться за пределами европейского континента. Состоявшийся XIV съезд в Сан-Франциско был проведен на американском континенте. На нем обсуждались вопросы защиты прав человека, социальные революции, история стран Африки и Азии [11, с. 34]. Позднее, к работе XV конгресса в Бухаресте присоединились делегации из таких стран как Ирак, Гана, Индия и Саудовская Аравия.

Работа конференций 1970 – 1990-х годов всё больше смещала акцент в тематике исследований с национальных вопросов в сторону изучения макро-истории. В Монреале в 1995 году в глобальной повестке значились вопросы, ориентированные на обсуждение истории развития государств, народов и личности, что консолидировало общую дискуссию на международном уровне.

К 2005 году, когда XX съезд прошёл в Сиднее, МКИН окончательно сформировался в качестве глобального института «научной дипломатии». 100 летний опыт деятельности МКИН свидетельствовал о том, что его работа, начинавшаяся в качестве европейского проекта, со временем расширилась до глобального уровня. Интеграция усилий МКИН привела к консолидации академической системы мировой исторической науки. Если в начале XX века акцент делался на сравнительных подходах в изучении истории Европы, то к XXI веку внимание окончательно сместилось в сторону исследований истории полицентричного мира.

Выбор Цзинаня в качестве места проведения XXII конгресса олицетворял собой начало новой эпохи в истории организации. Решение было принято в 2010 году на Генеральной Ассамблее МКИН в Амстердаме, где проголосовали представители всех национальных комитетов, включая российских учёных А.О. Чубарьяна и М.В. Бибикова [10]. Выбор в пользу Китая отчасти был обеспечен административной и государственной поддержкой.

Значимость данного события состояла в том, что впервые за 115 лет в качестве места проведения работы МКИН был избран азиатский континент. Генеральный секретарь организации Р. Франк отметил, что «съезд в Китае воплощает стратегию преодоления западного господства в исторической науке» [12].

Ключевая тема в работе МКИН в Цзинане в 2015 году была обозначена как «История – наше общее прошлое и будущее». Программа включала 4 направления: «Китай в глобальной ретроспективе», «История эмоций», «Революции в мировой истории» и «Цифровой поворот в истории». Как явствует из итоговых отчетов, всего было организовано и проведено 27 тематических секций, 18 совместных сессий, 19 круглых столов и заседания 17 комиссий.

Профессиональную и слаженную работу МКИН в Цзинане во многом удалось обеспечить за счет, организационной и административной поддержки академических и вузовских структур КНР. Значительный вклад в успешное проведение конгресса внес Шаньдунский университет, предоставивший аудиторные пло-

щади, обеспечивший не только приём участников, но и организацию культурной программы. Содействие в проведении МКИН оказала Академия общественных наук КНР, китайское общество историков и правительство провинции Шаньдун. В программе работы МКИН появились новые направления, связанные с изучением «Истории эмоций» и «Цифрового поворота в истории», что свидетельствует о гибкости приоритетов и стремлении Комитета реагировать на глобальные изменения в мировой науке [7].

Российская делегация на XXII Международном конгрессе исторических наук в Цзинане состояла из участников, представлявших ведущие научные и образовательные институты страны. Ее основу составляли сотрудники Института всеобщей истории РАН. При участии Института была создана сетевая лаборатория по изучению феномена «культуры памяти». Российские учёные выступали на конгрессе как организаторы отдельных мероприятий. При поддержке Национального комитета российских историков и Комиссии МКИН по истории международных отношений было проведено заседание круглого стола, подготовленного группой специалистов во главе с Л.П. Репиной [10]. Научно-образовательные и экспертные проекты российских историков, представленные в программных документах МКИН, позволяют говорить о том, что отечественная историческая школа вносит существенный вклад в развитие международных академических связей.

Представители российской делегации активно участвовали в работе многочисленных тематических и междисциплинарных секций, включая панели по российской истории, глобальной истории и цифровым методам. Результаты проведенных дискуссий и обсуждений нашли свое отражение в многочисленных научных публикациях.

В журнале «Историческая информатика» Л.И. Бородкин опубликовал обзор, касающийся содержательных оценок «цифрового поворота» в исторических знаниях. Им была представлена точка зрения российских специалистов во взглядах на развитие профессионального стандарта по исторической информатике [2].

Данное направление, в последнее время становится всё более востребованным в мировой историографии [2, с. 64].

В «Вестнике антропологии» вышел материал М. Васехи, где также упоминалось о работе на форуме российских специалистов [3]. Опыт Цзинаня как нельзя лучше продемонстрировал крайне востребованный во всем мире формат сотрудничества, когда участие в мировых конгрессах содействует престижу страны, стимулирует историков синхронизировать свои подходы с оценками мировой историографии. Россия по-прежнему сохраняет сильные позиции в традиционных направлениях – военно-исторических, демографических, дипломатических исследованиях, но в глобальных и цифровых форматах она заметно уступает активности зарубежных специалистов.

Российские историки-исследователи были представлены не столь многочисленным образом, как другие национальные делегации. Интересы таких исторических объединений как «Российское историческое общество» (РИО), «Российское военно-историческое общество» (РВИО), «Российское общество историков-архивистов» (РОИА) не были заявлены в рабочей программе конгресса. На общем фоне работы тематических секций, российские выступления выглядели малочисленными.

Китайская сторона, напротив, проявила особую активность: ее учёные инициировали не менее десятка тематических сессий, председательствовали в шестнадцати и представили более восьмидесяти докладов. Российская делегация во главе с А.О. Чубарьяном и М.В. Бибиковым принимала участие в работе организационных комитетов, однако её вклад в основную программу был сведен к минимуму. Международный форум историков в Цзинане проявил уязвимые места, а именно недостаточную вовлечённость российских историков в работу мировых институтов исторической науки, ее изолированность в глобальных программах развития.

Значительная часть трудов российских специалистов ориентирована на внутреннюю аудиторию и публикуется, как правило, на русском языке, что снижает их международную цитируемость [4]. Перспективы для развития российской исторической

школы связаны с необходимостью укрепления институциональных основ, расширения роли исторических организаций и объединений, ориентированных на интеллектуальное пространство стран ближнего зарубежья, поддержку ведущих научных школ сотрудничающих со странами СНГ.

Конгресс в Цинане обозначил крайне важный вопрос, касающийся российско-китайского научного взаимодействия для последовательного отстаивания интересов историков РФ и КНР на мировых форумах. Сам фактор участия в работе МКИН традиционно оценивается не иначе как показатель уровня самоорганизации национальной школы историков. Вполне объяснимо, что проведение МКИН в Цинане для историков из КНР являлось делом что называется «государственной важности» и рассматривалось не иначе как проведение своеобразной «Олимпиады для историков».

На открытии вице-премьер Лю Яндуn зачитал приветственное послание Си Цзиньпина, где было подчеркнуто, что историки способны влиять на будущее человечества, а понимание современного Китая невозможно без осмыслиения его исторического наследия. По итогам проведения конгресса, большинство участников положительно оценили работу принимающей стороны [14]. Данный факт лишний раз свидетельствует о том, что МКИН стал весьма эффективным инструментом формирования позитивного образа Китая и его достижений в сфере научной и культурной дипломатии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бибиков М.Б. XXI международный конгресс исторических наук в Амстердаме // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 115.
2. Бородкин Л.И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 3-4 (13-14). С. 56-67.

3. Васеха М.В. Международный конгресс исторических наук // Вестник антропологии. 2016. № 1 (33). С. 111-114.
4. Волкова Г.Л. Международная мобильность ученых // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 2017.
5. Желенина И.А. Из истории международных конгрессов исторических наук // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 182-189.
6. Петров А.Ю. XXII Международный конгресс исторических наук // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 277.
7. Программа XXII Конгресса Международного комитета исторических наук [Электронный ресурс] / Международный комитет исторических наук. Цзинань. 2015. Режим доступа: https://www.cish.org/wp-content/uploads/2015/09/Programme_Congres.pdf (дата обращения: 11.05.2025).
8. Леонтьева О.Б. История и теория на XXII Конгрессе МКИН. Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» / О.Б. Леонтьева, Л.П. Репина, З.А. Чеканцева // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 8-32.
9. Леонтьева О.Б. Своими глазами: XXII конгресс Международного комитета по историческим наукам, шаньдунский университет (Китай), август 2015 г. // Архив – пространство цивилизационного диалога: Материалы архивного фестиваля с международным участием, Самара, 22-23 октября 2019 года / Составитель Г.С. Пашковская. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2019. С. 53-60.
10. International Committee of Historical Sciences. Электрон. ресурс. Amsterdam: International Committee of Historical Sciences, 2010. Режим доступа: https://www.cish.org/wp-content/uploads/2015/09/Amsterdam_2010_Program1.pdf. - (дата обращения: 13.05.2025).
11. Erdmann K. D. Toward a Global Community of Historians: The International Historical Congresses and the International

Committee of Historical Sciences, 1898-2000. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005. 430 pp.

12. Jiafeng L. The 22nd International Congress of Historical Sciences Held in Jinan, China // Journal of Cultural Interaction in East Asia. 2016. Vol. 7. No. 1. P. 225-231.

*Ivanchick D.S.
Petrov E. V.*

(Russia. Saint Petersburg State University. Institute of History)

**"RUSSIAN HISTORY"
ON THE AGENDA OF THE 22ND INTERNATIONAL
CONGRESS OF HISTORICAL SCIENCES**

Abstract: The article summarizes and analyzes the experience of Russian historians participating in the International Congress of Historical Sciences (ICHS) in Jinan in 2015. It examines the main approaches to the study of Russian history presented in the program documents and at the sessions of thematic ICHS sections. The authors identify common approaches and principles in the implementation of contemporary «historical policy» in Russia and China, and highlight the specifics and characteristics of the experience of international cooperation between Russian and Chinese historians.

Key words: International institutions and organizations of historical science, International Congress of Historical Sciences, ICHS General Assembly, International Committee of Historians, Historical policy, Science diplomacy.

REFERENCES

1. Bibikov M.B. XXI mezhdunarodnyj kongress istoricheskix nauk v Amsterdame // Novaya i novejshaya istoriya. 2011. № 1. C. 115.

2. Borodkin L.I. «Cifrovoj poverot» v diskussiyax na XXII Mezhdunarodnom kongresse istoricheskix nauk (Kitaj, 2015 g.) // Istoricheskaya informatika. Informacionny'e texnologii i matematicheskie metody' v istoricheskix issledovaniyax i obrazovani. 2015. № 3-4 (13-14). S. 56-67.
3. Vasexa M.V. Mezhdunarodny'j kongress istoricheskix nauk // Vestnik antropologii. 2016. № 1(33). S. 111-114.
4. Volkova G.L. Mezhdunarodnaya mobil'nost' ucheny'x // Institut statisticheskix issledovanij i e'konomiki znanij NIU VShE'. 2017.
5. Zhelenina I.A. Iz istorii mezhdunarodny'x kongressov istoricheskix nauk / I.A. Zhelenina // Voprosy' istorii. 1964. № 9. S. 182-189.
6. Petrov A.Yu. XXII Mezhdunarodny'j kongress istoricheskix nauk / A. Yu. Petrov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2016. T. 86, №3. S. 277.
7. Programma XXII Kongressa Mezhdunarodnogo komiteta istoricheskix nauk [E'lektronny'j resurs] / Mezhdunarodny'j komitet istoricheskix nauk. - Czzinan'. 2015. Rezhim dostupa: https://www.cish.org/wp-content/uploads/2015/09/Programme_Congres.pdf (data obrashheniya: 11.05.2025).
8. Leont'eva O.B. Istoriya i teoriya na XXII Kongresse MKIN. Krugly'j stol Soby'tie i vremya v istoricheskix perspektivax / O. B. Leont'eva, L. P. Repina, Z. A. Chekanceva // Dialog so vremenem. 2015. № 52. S. 8-32.
9. Leont'eva O.B. Svoimi glazami: XXII kongress Mezhdunarodnogo komiteta po istoricheskim naukam, shan'dunskij universitet (Kitaj), avgust 2015 g. // Arxiv – prostranstvo civilizacionnogo dialoga: Materialy' arxivnogo festivalya s mezhdunarodny'm uchastiem, Samara, 22-23 oktyabrya 2019 goda / Sostavitel' G.S. Pashkovskaya. – Samara: OOO Nauchno-texnicheskij centr, 2019. S. 53-60.
10. International Committee of Historical Sciences. Amsterdam: International Committee of Historical Sciences, 2010.

Rezhim dostupa: https://www.cish.org/wp-content/uploads/2015/09/Amsterdam_2010_Program1.pdf. - (data obrashheniya: 13.05.2025).

11. Erdmann K.D. Toward a Global Community of Historians: The International Historical Congresses and the International Committee of Historical Sciences, 1898-2000. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005. 430 pp.

12. Jiafeng L. The 22nd International Congress of Historical Sciences Held in Jinan, China // Journal of Cultural Interaction in East Asia. 2016. Vol. 7. No. 1. P. 225-231.

УДК 94(476)

Цумарева Е. П.

(Республика Беларусь. Белорусско-Российский университет, г. Могилёв)

**ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ГРАНИЦ
НА РАЗВИТИЕ ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1772 – 1803 гг.)**

Аннотация. В статье рассмотрено влияние исторических условий на развитие цензурной политики в период трёх разделов Речи Посполитой и присоединения земель Беларуси к Российской империи. Рассмотрено обустройство границы, открытие таможен и организация функции провоза печатных изданий. Охарактеризовано восприятие Беларуси как пограничной территории с Польшей и далее, с Европой. Исследованы примеры деятельности органов местной власти в сфере цензурной политики.

Ключевые слова: цензура, Беларусь, таможня, граница, книга, Речь Посполитая, Российская империя, книгопечатание, типография.

Хронологические рамки статьи определены от первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. и вхождения земель восточной Беларуси в состав Российской империи до организации органа профессиональной цензуры – цензурного комитета при Виленском императорском университете в 1803 г.

В **современной историографии** истории цензуры достаточно обстоятельно изучено общероссийское законодательство, общее направление цензурной политики.

Общей характеристике организации цензурного дела в Виленской губернии, посвящена статья коллектива авторов «Цензоры Вильно XIX и начала XX века» [1]. Среди немногих исследований белорусских учёных сферы цензуры в заявленный период,

выделяется статья С.Е. Куль-Сильвестровой «Цензура в Белоруссии в первой трети XIX века (1795-1830)» [4]. В ней автор рассмотрела основные направления становления цензурной политики. Контроль ввоза печатной продукции на Брестской таможне раскрыт в статье А.А. Загорнова [3]. Общая характеристика деятельности таможен и специфики ввоза печатной продукции затронута в учебном пособии В.А. Острога «История таможенного дела и таможенного права Беларуси» [5].

Проявления цензурной политики в сфере образования после разделов Речи Посполитой до 1825 г. раскрыты в диссертационном исследовании А.А. Гурецкого [2].

Малоизученной сферой в данном вопросе является влияние фактора границ на политику в области цензуры на «приобретённых от Польши» землях.

Основная часть.

Событиями, значительно изменившими geopolитическую карту Европы в XVIII в., стали разделы Речи Посполитой в 1772 г., 1793 г., 1795 г. В результате этих разделов, вся территория Беларуси вошла в состав Российской империи.

В политике трёх разделов Речи Посполитой в отношении белорусских губерний звучал лозунг Екатерины II «отторженная возвратих», что определило официальную позицию правительства, идеологию и политику в сфере распространения печатной продукции.

В период вхождения белорусских земель в состав Российской империи, вопрос границы в политике правительства был первостепенным и имел несколько составляющих. Прежде всего, в ходе каждого раздела и приобретения новых территорий, ставилась задача таможенного обустройства новых границ. Далее, с учётом geopolитического фактора, наличия у Беларуси общей границы с Польшей, пространства влияния европейских революционных идей, ставилась задача контроля ввоза печатной продукции. С учётом особенностей исторического развития земель, входивших в состав Российской империи, особые задачи возлагались на сферу цензуры.

Вопрос «старой границы» Речи Посполитой и Российской империи неоднократно обсуждался как российским правительством, так и его противниками. С одной стороны, желавшие восстановления Речи Посполитой не допускали, чтобы исчезла многовековая граница между «западными и восточными» землями, в том числе между Беларусью и Российской империей и Россия не достигла «слияния» этих частей. С другой стороны, эту внутреннюю границу держало правительство России для предотвращения распространения идей из Европы на территорию России. Исходя из вышесказанного, проблема ввоза печатной продукции в Российскую империю через белорусские земли была особо актуальна с 70-х гг. XVIII в. до середины XIX в. [19, с. 20].

Земли, вошедшие в состав Российской империи, в законодательстве изучаемого периода назывались «вновь приобретённые», губернии «от Польши приобретённые», после первого раздела Речи Посполитой был прописан термин «Белорусские губернии» в отношении земель восточной Беларуси [6, с. 177].

После первого раздела Речи Посполитой по указу Екатерины II от 14 февраля 1773 г., на новой границе открывались таможенные заставы, в том числе Щучинская, Толочинская, Бешенковичская, Друйская, Полоцкая, Дисненская и др. Особое внимание уделялось устройству сообщения между Могилёвской и Полоцкой губерниями и Российской империей. Например, 26 февраля 1776 г. был опубликован Указ «Об учреждении свободного провоза съестных припасов и прочих товаров из Могилёвской в Великороссийские губернии и Малороссию» [7, с. 351].

27 сентября 1782 г. был опубликован Указ «Об учреждении особой таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаённого провоза товаров» [8, с. 682-684]. Согласно ему, изменился подход правительства к пограничной страже. Происходила замена «престарелых и увечных», которых ранее отсылали для службы на границе, на боеспособные единицы в каждой пограничной губернии. В наместничествах Могилёвском и Полоцком

устраивалось по одной таможне в «удобнейшем месте» по усмотрению генерал-губернатора. Например, в Могилёвской губернии в м. Толочин.

9 февраля 1783 г. вышел Указ генерал-прокурору Вяземскому «Об утверждении таможен в Могилёвской и Полоцкой губерниях и о наказании за провоз, покупку и продажу запрещённых и не клеймённых товаров» [10, с. 865]. Сфера цензуры в данный период находилась в обязанности местных властей. Показательно замечание Белорусскому генерал-губернатору П. Б. Пассеку, вынесенное в 1789 г. Он, по просьбе Могилёвского еврейского кагала, дал указание Толочинской пограничной таможне пропустить ввозимые из Польши печатные духовные книги для евреев. Проблема заключалась в том, что решение Белорусского генерал-губернатора противоречило указу от 26 июня 1789 г., в котором были точно перечислены товары, которые можно было ввозить через пограничные таможни. В перечне не было книг, поэтому П. Б. Пассеку было предписано «всемерно исполнять» указ в точности, не расширять список на товары, провоз которых запрещён [11, с. 139].

Ещё до официального объявления о присоединении земель центральной Беларуси к Российской империи после второго раздела Речи Посполитой, 8 декабря 1792 г. был издан Указ «О распоряжениях в Польских областях занятых российскими войсками» [12, с. 388-391]. Вводилась цензура на «приобретаемых» землях, прилегаемых к уже присоединённым после первого раздела Речи Посполитой Полоцкому и Могилёвскому наместничествам. Учреждались губернии Минская и Изяславская, служащие местных органов власти назначались из Российской империи.

14 декабря 1795 г. был издан ряд указов, закрепивших вхождение земель западной Беларуси в состав Российской империи и обустройство новой границы – «О присоединении к Российской империи всей части ВКЛ, которая по прекращении мятежей в Литве и Польше была занята войсками», «Об учреждении таможенной стражи по границе Литовской губернии, начиная от того пункта, где она смежна с губернией Волынскою до Балтийского

моря», «О разделении ВКЛ на две губернии». Для управления западнобелорусскими землями были назначены губернатор Виленский Тормасов и вице-губернатор Фризель, губернатор Слонимский Новицкий и вице-губернатор Волков [15, с. 844]. [16, с. 845], [17, с. 846-848].

В 1795 г. учреждались таможни в том числе в Гродно. Крупным таможенным центром являлся Брест-Литовск. Через Гродненскую таможню осуществлялся особый пропуск книг в Россию.

1 мая 1795 г. был издан важный Указ, данный генерал-губернатору Минскому, Изяславскому и Брацлавскому Т.И. Тутолмину «О принятии присяги от жителей вновь присоединённых к России от Польши, при последнем её разделении, областей; об устройстве оных на основании Учреждения о Губерниях и об установлении таможен, также пограничной цепи и стражи на новой границе» [14, с. 691].

Таким образом, была организована сеть таможен по границе белорусских земель, которые среди прочих задач, должны были строго следить за пропуском книг, не пропускать недозволенных книг.

Уже в к. XVIII в. правительство обратило пристальное внимание на возможность проникновения и влияния идей Французской революции на территорию Российской империи. Особая роль в распространении идей принадлежала печатной продукции. В Указах от 17 мая, 11 июня 1798 г. высказано мнение правительства Российской империи, что правительство Франции стремилось распространить путём газет свои «безбожные правила» и ими «развратить» спокойных обитателей. С точки зрения правительства, ещё более опасным фактом было то, что в Российской империи многие газетчики «по своему дурному расположению» подражали этим идеям. Спасение ситуации власти видели в ужесточении цензуры, поэтому решили во всех портах устроить цензуру и не пропускать без её позволения привозимых книг. Были разработаны меры наказания за не предоставление цензорам получаемых периодических сочинений, наказания за пропуск вредных книг [18,

с. 247]. Если человек получал произведение печати через вояжёров, курьеров или почту и не предоставлял цензуре, то подвергался суду.

Во внутренней политике на территории белорусских губерний значительную роль играли органы местной администрации, полиции. Полиция с 1782 г. (управа благочиния) следила за устроением розыгрышей вещей и книг [9, с. 468]. Было запрещено учинять уголовные преступления, в том числе писать «письма или сочинения ругательные», письма «угрозительные». Запрещалось обнародование или объявление в городе во всенародное известие без ведома, позволения или согласия управы благочиния [9, с. 480].

На территории губерний «от Польши присоединённых» было предписано выявить и удалить от всех дел людей, назначенных революционным Сеймом. Обратить особое внимание на воспитание юношества, особенно на Виленскую Академию и тем более на школы пиаристов [13, с. 577-578]. Российским властям дано указание обеспечить воспитание юношества во «вновь приобретённых областях» на основах повиновения православному «Закону Божьему» и законам Российской империи [13, с. 578].

Требовалось ввести жёсткую цензуру. В параграфе XII п. 3 дана характеристика книгопечатанию на предыдущем этапе и изменениям с введением цензуры в белорусско-литовских землях в составе Российской империи. В Великом княжестве Литовском (ВКЛ) «своевольное и повсеместное» печатание книг расценено как «зло... повсюду благонравие жителей и их спокойствие разрушающее» [13, с. 578]. Соответственно, властям было поручено уделить данному вопросу особое внимание. Вышло предписание, чтобы все рассеянные по бывшему ВКЛ типографии были выявлены и собраны в одно место, где учреждено Главное российское правление. Чтобы для всех издаваемых в ВКЛ книг на разных языках, мелких сочинений и публичных ведомостей была учреждена цензура, без одобрения которой и без позволения «главного начальства» нельзя было ничего печатать и издавать «в народ». Местным властям и полиции предписывалось «непременно истребить» в белорусско-литовских губерниях все напечатанные во

время бунта (восстание А. Костюшко) возмутительные акты и прочие сочинения и листы [13, с. 578].

Основные выводы

В период трёх разделов Речи Посполитой параллельно шли процессы обустройства новых границ и формирование цензурной политики Российской империи на территории Беларуси. В отношении Беларуси в сфере цензурной политики значительную роль оказывал геополитический фактор соседства с Польшей и близость Европы, под влиянием которого в изучаемый период был издан ряд указов охранительного характера, приняты меры в сфере таможенного права развития специфической деятельности – досмотра и пропуска печатных изданий, изъятие запрещённой печатной продукции. На начальном этапе находился вопрос осуществления цензурования. Правительством был издан ряд указов, направленных на контроль сети типографий, развитой со времён Великого княжества Литовского. Проблему для Российской империи представляла политическая ориентация некоторых социальных групп на возрождение Речи Посполитой, особенности системы образования и религиозного развития, что будет формировать цензурную политику в последующие периоды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гринченко Н.А. [и др.] Цензоры Вильно XIX и начала XX века. Материалы для библиографического справочника // Белорусский сборник: ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии / Рос. нац. б-ка, С.-Петерб. ассоц. белорусистов; редкол.: В.Н. Зайцев [и др.]. СПб., 2005. Вып. 3. С. 209–235.
2. Гурецкий А.А. Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX века (1772–1825 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск: БГПУ им. М. Танка, 1998. 20 с.

-
3. Загорнов А.А. Брестская таможня в первой половине XIX в. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. 1997. № 1. С. 11–14.
 4. Куль-Сильвестрова С.Е. Цензура в Белоруссии в первой трети XIX века (1795–1830) // Книга в пространстве культуры. М., 2000. С. 82–99.
 5. Острога В.А. История таможенного дела и таможенного права Беларуси. Учеб. пособие. Минск: ООО «БИП-С Плюс», 2005. 193 с.
 6. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Т. 20 (1775–1780). № 14346. 4 июля 1775 г.
 7. ПСЗ РИ. Т. 20 (1775–1780). № 14441. 26 февраля 1776 г.
 8. ПСЗ РИ. Т. 21 (1781–1783). № 15522. 27 сентября 1782 г.
 9. ПСЗ РИ. Т. 21 (1781–1783). № 15664. 9 февраля 1783 г.
 10. ПСЗ РИ. Т. 21. (1781–1783). № 15379. 8 апреля 1782 г.
 11. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 16877. 22 июня 1790 г.
 12. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 17090. 8 декабря 1792 г.
 13. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 17264. 30 октября 1794 г.
 14. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 17323. 1 мая 1795 г.
 15. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 17417. 14 декабря 1795 г.
 16. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 17418. 14 декабря 1795 г.
 17. ПСЗ РИ. Т. 23. (1789 – 6 ноября 1796). № 17419. 14 декабря 1795 г.
 18. ПСЗ РИ. Т. 25. (1798–1799). № 18524. 17 мая 1798 г.

19. Ратч В. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Т. 1. Вильно: Тип. Губернского правления, 1867. 343 с.

Сведения об авторе:

Цумарева Елена Петровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет», г. Могилёв, Республика Беларусь. Докторант Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова».

E-mail tsumarava.alena@gmail.com

THE IMPACT OF BORDER FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF CENSORSHIP POLICY IN THE TERRITORY OF BELARUS (1772–1803)

Abstract: The article examines the influence of historical conditions on the development of censorship policy during the three partitions of the Polish–Lithuanian Commonwealth and the incorporation of Belarusian territories into the Russian Empire. It analyzes the establishment of borders, the opening of customs offices, and the organization of procedures for transporting printed materials across borders. The perception of Belarus as a borderland with Poland—and subsequently with Europe—is characterized. Examples of local administrative bodies' activities in the field of censorship policy are also investigated.

Keywords: censorship, Belarus, customs, border, book, Polish–Lithuanian Commonwealth, Russian Empire, printing, typography.

Tsumarava Alena, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus. Doctoral Student, Mogilev State University named after A.A. Kuleshov.

E-mail: tsumarava.alena@gmail.com

РАЗДЕЛ II
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Блохин В. Ф.

(Россия. Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского)

**ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИИ
И ЦЕНЗУРА ПЕРИОДИКИ
В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹**

Аннотация. Цель исследования – проанализировать трансформацию издательского дела и системы цензуры в трансграничных территориях Российской империи на материалах Царства Польского в начальный период Первой мировой войны (1914–1915 гг.). В основе статьи находится отчет Варшавского комитета по делам печати за 1916 г., заключающий в себе статистические данные о количестве и характере периодических и непериодических изданий, а также оценку их содержания и материальных условий выпуска. Методологическую основу составляет анализ уникального архивного документа. Установлено, что после объявления войны в июле 1914 г. издательская деятельность в Варшаве практически прекратилась, сохранившись лишь в форме сокращённых выпусков нескольких ежедневных газет. К началу 1915 г. наблюдалось частичное восстановление числа изданий, однако их выпуск осуществлялся в условиях острого дефицита (бумага, краска), что радикально ухудшило полиграфическое качество. Содержательно прессы эволюционировала от публикации военных сводок к активной политической полемике о будущем Польши после издания воззвания великого князя Николая Николаевича, отразив раскол польского общества. Деятельность Варшавского комитета по делам печати, эвакуированного в Москву в июле 1915 г.,

¹ Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

не была прекращена, что свидетельствует о стремлении имперских властей сохранить инструменты контроля над публичной сферой даже после утраты территории. Автор статьи пришел к выводу, что периодическая печать в Царстве Польском в 1914–1915 гг. выступала не пассивным регистратором событий, а ключевым актором идеино-политической борьбы. Её состояние стало точным индикатором общего кризиса управления: военные поражения, вынужденная адаптация в условиях дефицита и, наконец, утрата управляемой инфраструктуры. Потеря влияния российских властей на общественное мнение в регионе к середине 1915 года контрастировала с формальным сохранением цензурного аппарата, что иллюстрирует попытку поддержания символического суверенитета над утраченным информационным пространством.

Ключевые слова: Первая мировая война, трансграничье, Царство Польское, периодическая печать, издательское дело, Варшавский комитет по делам печати, цензура, информационная политика, общественное мнение.

Первая мировая война кардинально изменила роль периодической печати в Российской империи, превратив её из инструмента консолидации в фактор политической дестабилизации. Особенно значимой эта трансформация была в национальных регионах, оказавшихся в зоне военного и идейного противостояния. Царство Польское, с его сложной историей взаимоотношений с метрополией, стало одним из ключевых полей этой битвы за умы. Война актуализировала «польский вопрос», поставив проблему будущей государственности региона в прямую зависимость от исхода информационного противоборства.

Российские власти осознавали, что контроль над публичной сферой и формирование лояльного общественного мнения являются критически важными задачами в условиях, когда территория стала прифронтовой. Как отмечал в мемуарах бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, предшествующее столетие отношений было исполнено «недоразумений, споров, взаимных обвинений и острой вражды» [5, с. 341].

Организационной основой этого контроля с 1869 г. выступал Варшавский комитет, подчинённый Главному управлению по делам печати Министерства внутренних дел в Петербурге [3, с. 63]. Его деятельность в военные годы, вплоть до эвакуации 11 июля 1915 г., а также составленный уже в Москве отчёт за 1916 г., являются ценнейшим источником для изучения состояния издательского дела и механизмов цензуры в регионе в переломный период.

Анализ статистических данных, представленных в отчёте, свидетельствует о глубоком кризисе, в который война ввергла польскую печать. Если в 1913 г. в Варшаве издавалось 268 периодических изданий, то в 1914 г., после объявления войны 19 июля, «издательская деятельность... прекратилась почти совершенно» [2, л. 14-14 об.]. Лишь 32 ежедневные газеты предприняли попытку выпускать номера в сильно сокращённом формате, содержащие исключительно военные сводки, причём к концу года регулярно выходило только 19 из них [2, л. 14-14 об.]. Параллельно сократился выпуск непериодической печати: с 3142 наименований в 1913 г. до 1962 в 1914 г., причём основная часть последних была издана до начала войны [2, л. 14-14 об.]. Как отмечал председатель комитета М.А. Лагодовский, «издание книг в военных условиях практически прекратилось» [2, л. 14 об.].

Частичное оживление издательской деятельности наблюдалось после возвращения в октябре 1914 г. русской администрации в Варшаву по окончании первой эвакуации и продолжалось в первой половине 1915 г. К моменту эвакуации комитета число зарегистрированных изданий достигло 811 [2, л. 14 об.]. Однако это количественное восстановление происходило на фоне катастрофического ухудшения материально-технической базы. М.А. Лагодовский констатировал: «Газеты стали выпускаться в сокращенном формате, качество бумаги значительно понизилось, так что некоторые газеты стали печататься на обёрточной бумаге... понижалось значительно и качество типографской краски» [2, л. 14 об.]. Этот полиграфический

кризис был наглядным проявлением общей дезорганизации хозяйственной жизни и снабжения в прифронтовой полосе.

Качественные изменения прессы были не менее значимы. Согласно отчёту, первоначальное содержание публикаций ограничивалось военными известиями. Однако после обнародования в августе 1914 г. воззвания Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам, в печати развернулась активная дискуссия о будущем Польши. В статьях обсуждались «вероятные и желательные формы ее будущего политического существования», а характер этих публикаций напрямую определялся партийной или групповой принадлежностью их авторов [2, л. 14 об.]. Таким образом, пресса быстро эволюционировала от функции простого информирования к роли арены острой политической polemiki, став катализатором и одновременно зеркалом идейного размежевания в польском обществе. Как справедливо отмечает современный исследователь А.С. Вакуленко, общественное мнение содержит «волевой компонент», способный трансформировать оценки в действия [1, с. 16], и печать играла ключевую роль в формировании этого компонента.

Этот процесс отвечал теоретическим представлениям о функциях печати, где информация является лишь «базой для агитации и пропаганды» [4, с. 66-67]. В условиях трансграничного Царства Польского, оказавшегося в эпицентре геополитического выбора, прессе была уготована ключевая роль в мобилизации общественного мнения и его ориентации в пользу одной из противоборствующих сторон – России или Центральных держав.

Показательно, что даже после эвакуации из Варшавы и утраты контроля над территорией Варшавский комитет по делам печати не прекратил свою работу. Он продолжал функционировать в Москве, составляя отчёты и, по-видимому, курируя издательскую деятельность для польского населения, оставшегося в пределах империи. Этот факт символизирует стремление имперского центра сохранить хотя бы видимость управляемости информационным пространством и инструмент идеологического влияния на польский вопрос, даже лишившись реальных

административных рычагов управления на месте. Это была попытка поддержания «символического суверенитета» в сфере публичной коммуникации.

Проведённый анализ на основе отчёта Варшавского комитета по делам печати за 1916 г. позволяет сделать следующие выводы о состоянии издательского дела и цензуры в Царстве Польском в 1914–1915 гг.

Начало Первой мировой войны вызвало почти полный коллапс местной издательской системы, от которой остались лишь единичные ежедневные газеты, выпускавшие урезанные выпуски. Частичное восстановление в 1915 г. носило экстенсивный характер и происходило в условиях острого полиграфического дефицита, что делало материальный облик прессы маркером общего хозяйственного кризиса.

Содержательная трансформация как польской, так и в целом периодики приграничных регионов прошла путь от сугубо информационной роли (военные сводки) к активному участию в политическом дискурсе о национальном будущем. В Царстве Польском возвзвание Николая Николаевича стало катализатором, превратившим прессу в открытую площадку для конкурирующих политических проектов, что отражало и углубляло раскол внутри польского общества.

Продолжение работы эвакуированного цензурного комитета демонстрирует парадоксальное, но знаковое явление: российские власти, утратив физический контроль над Царством Польским, пытались сохранить институциональные формы управления его публичной сферой. Это свидетельствует о признании высшей важности информационного поля в борьбе за лояльность населения и является иллюстрацией попытки сохранить символический контроль там, где реальный был утерян.

Несмотря на указанные усилия, к лету 1915 г. российское правительство фактически утратило возможность определять повестку и формировать общественное мнение в регионе. Печать, оставшаяся под оккупацией, начала жить по новой логике, а работа

эвакуированного комитета превратилась в акцию преимущественно отчётно-символического характера.

Таким образом, история издательской деятельности и цензуры в Царстве Польском в первый год Великой войны наглядно показывает, как в условиях тотального кризиса прессы превращается из подконтрольного инструмента в самостоятельную и не-предсказуемую силу. Её состояние стало точным барометром краха имперской управляемости на национальной окраине, а её содержание – активным фактором этого краха.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вакуленко А.С. Общественное мнение в социально-историческом процессе: Автореф. дис. ... кандидата философских наук. Краснодар, 2014. 23 с.
2. Дело IV Отделения Канцелярии Главного управления по делам печати со сведениями о влиянии войны на печать // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 22. (1916). Д. 55.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 44 (1869): Часть 2. № 47451.
4. Потапов Н.М. Печать и война. М. ; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. 84 с.
5. Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. 368 с.

Blokhin V. F.

(Russia. Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky)

**INFORMATION ISSUES AND CENSORSHIP OF
PERIODICALS IN CROSS-BORDER TERRITORIES IN
THE CONDITIONS OF THE FIRST WORLD WAR**

Abstract: The purpose of the study is to analyze the transformation of publishing and the censorship system in the cross-border territories of the Russian Empire based on the materials of the Kingdom of Poland in the early period of the First World War (1914-1915). The article is based on the report of the Warsaw Press Committee for 1916, which contains statistical data on the number and nature of periodicals and non-periodicals, as well as assessment of their content and material conditions of release. The methodological basis is the analysis of a unique archival document. It has been established that after the declaration of war in July 1914, publishing activity in Warsaw practically ceased, remaining only in the form of abridged editions of several daily newspapers. By the beginning of 1915, there was a partial recovery in the number of publications, but their production was carried out in conditions of acute shortage (paper, ink), which radically worsened the printing quality. In terms of content, the press evolved from the publication of military reports to an active political debate about the future of Poland after the publication of the proclamation of Grand Duke Nicholas Nikolaevich, reflecting the split in Polish society. The activities of the Warsaw Press Committee, evacuated to Moscow in July 1915, were not stopped, which indicates the desire of the imperial authorities to preserve the instruments of control over the public sphere even after the loss of territory. The author of the article came to the conclusion that the periodical press in the Kingdom of Poland in 1914-1915 acted not as a passive registrar of events, but as a key actor in the ideological and political struggle. Its condition has become an accurate indicator of the general management crisis: military defeats, forced adaptation in conditions of scarcity, and, finally, the loss of management infrastructure. By the middle of 1915, the loss of influence of the Russian authorities on public opinion in the region contrasted with the formal preservation of the censorship apparatus, which illustrates an attempt to maintain symbolic sovereignty over the lost information space. **Keywords:** World War I, cross-border, Kingdom of Poland, periodicals, publishing, Warsaw Press Committee, censorship, information policy, public opinion.

Keywords: World War I, cross-border, Kingdom of Poland, periodicals, publishing, Warsaw Press Committee, censorship, information policy, public opinion.

REFERENCES

1. Vakulenko A.S. Public opinion in the socio-historical process: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Krasnodar, 2014. 23 p.
2. The case of the IV Branch of the Chancellery of the Main Directorate for Press Affairs with information on the impact of the war on the press // Russian State Historical Archive (RGIA). F. 776. Op. 22. (1916). D. 55.
3. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Sibr. 2-E. T. 44 (1869): Part 2. No. 47451.
4. Potapov N.M. Print and war. M.; L.: State Military. publishing house, 1926. 84 p. 5. Sazonov S.D. Memoirs. Mn.: Harvest, 2002. 368 p.

Сведения об авторе:

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского,

E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valery Fedorovich, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky.

Свиридова А. С.

(Россия. Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского)

**РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ВСТУПЛЕНИЕ БОЛГАРИИ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)¹**

Аннотация. Многовековое российско-болгарское взаимодействие характеризуется социокультурным и этническим единством. Хотя накануне Первой мировой войны Российская империя и Болгария не имели общей территориальной границы, их взаимоотношения вписываются в контекст трансграницья, поскольку символизируют идею единства братских славянских христианских народов. В статье предпринят анализ газетных материалов периодической печати Российской империи, освещавших процесс вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав и показана реакция российского общества на вступление Болгарии в Первую мировую войну.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, общественное мнение, Российская империя, Болгария, Фердинанд Кобургский.

С началом Первой мировой войны Болгария провозгласила нейтралитет по отношению к противоборствующим сторонам, но осенью 1915 г. болгарское правительство решило вступить в войну на стороне держав Центрального блока, объявив о

¹ Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

мобилизации болгарского войска. Российское общество незамедлительно отреагировало на это событие, что нашло отражение на страницах газетных периодических изданий Российской империи осенью 1915 г.

Проблематике участия Болгарии в Первой мировой войне посвящена статья А.А. Фоменко [19]. Изучением причин вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав занимались Д.К. Макаров [7], А.А. Болтаевский, И.П. Прядко [4]. Реакцию русских правых на вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав рассматривали А.А. Иванов и А.В. Репников [5]. Но в исследованиях практически не анализировалась отечественная периодическая печать как средство формирования и отражения российского общественного мнения по этому вопросу. Между тем российская печать наглядно демонстрирует реакцию российского общества на это событие, дополнившее череду военных неудач 1915 г.

В качестве источника в статье исследуются газетные материалы ведущих периодических изданий Российской империи: «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Правительственный вестник», «Петроградский листок», «Утро России», «Речь».

Известие об объявлении Болгарией мобилизации в сентябре 1915 г. не стало неожиданностью для российского общества. Читателям отечественных газет еще в начале сентября 1915 г. было известно, что болгарский царь принимал у себя так называемую оппозицию во главе с А.С. Стамболовским. Причиной для этого события послужили слухи о готовившемся выступлении Болгарии против Сербии [13]: сущность разговора между болгарским правителем и оппозицией сводилась к предостережению царя Фердинанда Кобургского от «авантюри и слепого германофильства» [18], а также к критике политики кабинета В.Х. Радославова [18]. В опубликованном позднее сообщении об аудиенции было сказано, что болгарская оппозиция стремилась «предотвратить авантюры, противоречащие чувствам и интересам народа,

предотвратить катастрофу» [18]. В ответ на предостережения болгарский царь «заявил, что знает свой путь и с него не сойдет» [18]. Через несколько дней в Болгарии началась мобилизация.

Газета «Утро России» акцентировало внимание читателей на том, что в Болгарии была объявлена мобилизация в тридцатую годовщину объединения Болгарии и Восточной Румелии, то есть в знаменательную дату воссоединения Болгарии в единую независимую страну [10].

Союз славянской Болгарии с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в сентябре 1915 г. представлялся отечественной печати не иначе как «политическое безумие, в которое можно будет поверить лишь тогда, когда оно станет свершившимся фактом» [13]. «Утро России», анализируя сложившиеся обстоятельства, прогнозировало неблагоприятный исход дел для Болгарии при условии ее участия в войне на стороне германо-австро-венгерского блока: «В случае неудачи похода на Сербию и разгрома болгарских войск, Болгария царя Фердинанда перестанет существовать и династия Коубургов будет изгнана из пределов Болгарии. В случае победы австро-германцев Болгария окажется низведенной до степени послушного вассала Гогенцоллернов, и воцарившийся на Балканах немец уничтожит последние следы былой независимости Болгарии, политической и экономической» [13].

Поскольку начало мобилизации болгарского войска еще не означало непосредственного объявления войны, с российской стороны исследовалось мнение болгарского общества и предпринимались попытки образумить население братской славянской страны. «Речь» отмечала, что «у Болгарии есть, таким образом, хотя и краткий, срок для того, чтобы опомниться и удержаться от того рокового прыжка в неизвестность, на который толкает ее «преступное безумие» ее правительства» [16]. «Биржевые ведомости» телеграфировали, что перспектива войны с Россией подействовала удручающе на болгарских солдат [3]. В газете также приводилась информация о массовых побегах комбатантов, которые не хотели воевать с Россией [3].

В «Петербургском листке» была опубликована статья, отражавшая мнение проживавших в российской столице болгар по вопросу мобилизации в их стране: вина за произошедшие события ими возлагалась на царя Фердинанда Кобургского, а также отмечалось, что «болгарский народ надеялся, что Болгария вступит в Согласие, а когда узнали, что страна примкнула к Союзу, то расстроились, так как болгарский народ – тот народ, который поклоняется России и помнит пролитую за болгарские идеалы русскую кровь» [17].

Однако с этой точкой зрения были согласны не все корреспонденты «Петроградского листка». С. Бахметев отмечал, что «опубликованное ранее мнение – это мнение болгар, проживающих в России, поэтому такие болгары скорее русские, ведь Россия для них – второй дом» [1]. В отношении же восприятия сложившейся ситуации коренными болгарами, корреспондент выражал мнение, что «в целом все болгарское общество согласно с действиями своего царя» [1]. Никаких массовых протестов со стороны болгарского общества в отношении внешнеполитического курса, избранного правительством, не последовало, и российская правая печать вскоре вынуждена была констатировать, что болгарский народ стал «слепым орудием в руках злых врагов славянства» [5, с. 203].

Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав 1 (14) октября 1915 г., начав военные действия против Сербии. В манифесте императора Николая II Болгария была обвинена в измене славянскому делу: «С горечью встретил русский народ предательство столь близкой ему до последних дней Болгарии и с тяжким сердцем обнажает против нее меч, предоставляя судьбу изменников славянства справедливой каре Божией» [5, с. 204].

Болгарская правительенная печать заявляла, что вступление в войну и объявление мобилизации обуславливается необходимостью охранения национальных интересов, ради которых представлялось необходимым решить насущный для Болгарии Македонский вопрос. Неправительственная печать, поддерживав-

шая в целом официальную точку зрения болгарского правительства, в то же время отмечала, что причины мобилизации важно было обосновать для России особенно: «Будет непростительной ошибкой, если Болгария переменит свое поведение по отношению ко всем воюющим государствам. Следует всеми способами показать, что мобилизация вовсе не направлена против какой-либо великой державы, особенно России» [8].

То, что решение Македонского вопроса для Болгарии было существенной причиной вступления в Первую мировую войну, подчеркивал корреспондент газеты «Колокол». Он полагал, что приоритетной причиной поддержки Болгарией стран Союза стало желание не только болгарского правительства, но и болгарского народа – получить Македонию [5, с. 208]. Хотя страны Антанты предлагали болгарскому царю варианты решения Македонского вопроса, Фердинанд Кобургский отказался от этих предложений в пользу немецких: Австро-Венгрия и Германия гарантировали Болгарии, что мир не будет заключен до тех пор, пока Болгария не получит всю Македонию, в то время как страны Антанты в мае 1915 г. смогли гарантировать Болгарии лишь часть территории Македонии при одобрении болгаро-румынских переговоров в Добрудже [19, с. 105].

Отечественная печать активно обсуждала и иные причины выступления Болгарии на стороне Центральных держав. Газеты винили в произошедших событиях и российскую, и союзную дипломатию. «Колокол» отмечал, что не только отечественная, но и внешнеполитические ведомства стран Антанты фактически проиграли дипломатии стран Тройственного союза [5, с. 208]. В свою очередь, корреспондент «Биржевых ведомостей» Инсаров полагал, что «крах балканской политики не столько должен быть отнесен в пассив наших союзников, сколько в наш собственный пассив» [6].

Московская газета «Утро России» в передовой статье критиковала действия российской дипломатии на Балканском полуострове [12], и отрицательно оценивала политику министра иностранных дел Российской империи – С.Д. Сазонова: «У нас

заговорили об уходе С.Д. Сазонова. Только его одного. Если слух этот подтвердится, если г. Сазонов, действительно уйдет, то это будет служить подтверждением того, что в нашем "неуспехе" на Балканах признан ответственным единолично министр иностранных дел» [12].

Корреспондент «Петроградского листка» высказывал противоположное мнение. С. Бахметев отмечал, что «в некоторой части нашей печати пробовали укорять министра иностранных дел г. Сазонова в том, что он не сумел отклонить такого вмешательства Болгарии в мировую войну» [1], но, по его мнению, «столь оптимистичен был не только г. Сазонов, но так думала и чувствовала вся Россия» [1]. «Правительственный вестник» выражал надежду, что «русское общественное мнение сумеет дать правильную оценку нашей политике на Балканах», и что объяснение, данное российской дипломатией по рассматриваемому вопросу, было вполне своевременно и доказывало «чуткость нашего министерства иностранных дел к общественному мнению России» [15].

Пресса называла еще одну известную российскому обществу причину выступления Болгарии на стороне Центральных держав – болгарский денежный заём у немецкого правительства. «Невозможно было предположить, что Болгария, единая с нами по вере, облагодетельствованная Россией, могла бы в наше великое время оказаться такой! <...> Кто мог думать, что вместо совести у болгар обнаружится только мешок германских денег!» [1], – сетовали в «Петроградском листке». «Московские ведомости» также винили болгарское правительство в алчности: «Германское золото взяло верх над чувством благодарности к России, давшей болгарам свободу, жизнь» [9].

Большинство российских газет было солидарно во мнении, что ключевая роль в болгарском предательстве принадлежит царю Фердинанду Кобургскому. «Московские ведомости» обвиняли болгарского царя в вероломстве и в измене национальным основам болгарского славянского государства [5, с. 210], ставили болгарского правителя «в ряды Каинов и Иуд» [9]. Столичная печать

также транслировала читателям образ Фердинанда-«авантюриста» [2], «Цезаря Борджа» [11].

Осенью 1915 г. Карикатуристы активно визуализировали предательский поступок болгарского правителя на страницах газетной периодики. В карикатуре «Балканский Каин» правитель Болгарии изображен с ножом в руке, замахивающимся на спину уже пожилого русского солдата [14], образ которого, вероятнее всего, отражал освободитель болгар от турецкой зависимости в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В карикатуре «Балканский Искариот» [14] болгарский царь представлен на суд зрителям как алчный, с мешком немецкого золота. Такая визуализация образа болгарского правителя способствовала восприятию его российским обществом как предателя братьев-славян.

Итак, реализация идеи славянского единства двух народов, русского и болгарского, способствовала тому, что в последние десятилетия XIX века Болгария обрела независимость и государственность, благодаря поддержке и покровительству Российской империи. Эта идея поддерживалась большей частью российского общества на протяжении более тридцати лет. Именно поэтому вступление Болгарии в Первую мировую войну в 1915 г. на стороне стран Центральных держав было осуждено российским обществом, что нашло отражение на страницах отечественной газетной периодики. Не удивительно, что попытки разобраться в причинах болгарского предательства привели к тому, что главным виновником на страницах российских газет был признан царь Фердинанд Кобургский. Тем самым был оставлен шанс на будущее возрождение прежних отношений с братским славянским народом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахметев С. «Фердинандовы сыны» // Петроградский листок. 1915. № 270. 2 октября.
2. Биржевые Ведомости. 1915. № 15097. 19 сентября.

-
3. Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15125. 3 октября.
 4. Болтаевский А.А., Прядко И.П. Македонский тупик: к вопросу об участии Болгарии в Первой мировой войне // Вестник МГПУ. Исторические науки. 2016. С. 88-97.
 5. Иванов А.А., Репников А.В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Перову мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 197-217.
 6. Инсаров. «Заранее проигранная игра» // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15125. 3 октября.
 7. Макаров Д.К. Причины вступления Болгарии в Перову мировую войну на стороне Центральных держав: военно-политический и дипломатический аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 43-56.
 8. Мир. 1915. 28 сентября.
 9. Московские ведомости. 1915. № 221. 26 сентября.
 10. На Балканах // Утро России. 1915. № 250. 12 сентября.
 11. Начало братоубийственной войны // Петроградский листок. 1915. № 271. 3 октября.
 12. Ответственные // Утро России. 1915. 16 октября.
 13. Перед новой авантюрой // Утро России. 1915. № 249. 11 сентября.
 14. Петроградский листок. 1915. № 269. 1 октября.
 15. Правительственный вестник. 1915. 24 сентября.
 16. Речь. 1915. 22 сентября.
 17. Трагедия болгарского народа // Петербургский листок. 1915. № 256. 18 сентября.
 18. Утро России. 1915. № 246. 8 сентября.
 19. Фоменко А.А. Проблематика участия Болгарии в Первой мировой войне // Вестник ВГУ. 2018. № 2. С. 98-102.

Sviridova A. S.

Russian society's reaction to Bulgaria's entry into World War I (based on periodicals of the Russian Empire)

Abstract. The centuries-old Russian-Bulgarian interaction is characterized by socio-cultural and ethnic unity. Although on the eve of the First World War, the Russian Empire and Bulgaria did not have a common territorial border, their relationship fits into the context of cross-border relations, as it symbolizes the idea of unity of fraternal Slavic Christian peoples. The article analyzes the newspaper materials of the periodical press of the Russian Empire, which highlighted the process of Bulgaria's entry into the First World War on the side of the Central Powers and shows the reaction of Russian society to Bulgaria's entry into the First World War.

Keywords: World War I, periodical press, public opinion, Russian Empire, Bulgaria, Ferdinand Coburg.

REFERENCES

1. Bakhmetev S. "Ferdinand's sons" // Petrogradsky leaflet. 1915. № 270. October 2.
2. Birzhevye Vedomosti. 1915. № 15097. September 19.
3. Birzhevye Vedomosti. Morning issue. 1915. № 15125. October 3.
4. Boltaevsky A.A., Pryadko I.P. Macedonian deadlock: on Bulgaria's participation in World War I // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Historical Sciences. 2016. P. 88-97.
5. Ivanov A.A., Repnikov A.V. "Bulgarian treason": Russian right-wingers on Bulgaria's entry into World War I on the side of the central powers // The Recent history of Russia. 2014. № 3. P. 197-217.
6. Insarov. "A game lost in advance" // Stock Exchange Vedomosti. Morning issue. 1915. № 15125. October 3.
7. Makarov D.K. Reasons for Bulgaria's entry into World War I on the side of the Central Powers: Military-political and diplomatic aspects

// Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Political Science. History. International Relations". 2025. № 1. P. 43-56.

8. Mir. 1915. September 28.
9. Moskovskie Vedomosti. 1915. № 221. September 26.
10. In the Balkans // Utro Rossii. 1915. № 250. September 12.
11. The Beginning of the Fratricidal War // Petrogradsky Leaflet. 1915. № 271. October 3.
12. Those Responsible // Utro Rossii. 1915. October 16.
13. Before a New Adventure // Utro Rossii. 1915. № 249. September 11.
14. Petrogradsky Leaflet. 1915. № 269, October 1.
15. Government Gazette. 1915. September 24.
16. Speech. 1915. September 22.
17. The Tragedy of the Bulgarian people // Petersburgsky Leaflet. 1915. № 256. September 18.
18. Utro Rossii. 1915. № 246. September 8.
19. Fomenko A.A. Problems of Bulgaria's participation in the World War I // VGU Bulletin. 2018. № 2. P. 98-102.

Сведения об авторе:

Свиридова Алина Сергеевна – ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – assistant, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Тишина О. В.

(Россия. Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского)

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу польского вопроса в контексте патриотического дискурса Российской империи в начале Первой мировой войны. В условиях глобального конфликта, когда мобилизация населения и укрепление внутреннего единства стали ключевыми задачами, польский вопрос приобрел новое звучание. В статье тезисно описываются повлиявшие на активизацию общественного дискурса события периода начала Первой мировой войны и их отражение в печатных СМИ.

Ключевые слова: польский вопрос, Первая мировая война, патриотический дискурс, общественные настроения, периодическая печать.

Польский вопрос на протяжении XIX века был одним из наиболее актуальных и болезненных в политической повестке Российской империи. С началом Первой мировой войны, когда страна столкнулась с необходимостью мобилизации ресурсов и укрепления внутреннего единства, этот вопрос стал важным элементом патриотического дискурса: «к обсуждению подключилась власть, общественность, политические партии» [4, с. 906]. Многонациональный характер Российской империи, включавшей в себя мно-

¹ Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

жество этнических групп, создавал особые условия для обсуждения польского вопроса, который был не только политическим, но и культурным и социальным феноменом.

Историческое наследие в виде раздела Польши между Российской империей, Германией и Австро-Венгрией создало уникальную ситуацию, в которой с началом Первой мировой войны польские земли оказались на стороне двух враждующих коалиций. Это обстоятельство вызывало справедливые опасения: польское население, проживавшее на территории государств-противников, могло стать серьезным дестабилизирующим фактором [3, с. 133].

Общественные настроения, охватившие страну, нашли отражение в периодической печати. В этом контексте привлекает внимание статья в журнале «Вестник Европы», вышедшая под заголовком «Провинциальное обозрение». В публикации автор косвенно связывает необходимость решения национальных вопросов с обеспечением национальной безопасности в условиях военного конфликта: «В России, сверх того, внушала тревогу пестрая ткань национальностей, степень объединённости, которых на общей российской государственной основе была не ясна до самых последних дней. И внешний враг, поднявший меч на Россию, казалось, имел некоторое основание ждать, что внезапный порыв военного вихря подорвет социальную и национальную ткань страны и что колебание или смута в рабочей среде и в многочисленных национальностях России облегчит его завоевательную задачу. [5, с. 334].

Автор подчеркивает проявившееся под угрозой внешней опасности стремление общества к консолидации и народному единству: «Приехавшие из Польши, а также газетные известия из этих мест единодушно говорят о теплоте отношения к России и о патриотическом воодушевлении польского населения. Особенно ценно, что это близость к России оказалась в первые дни войны, когда еще не появилось знаменитое воззвание верховного главнокомандующего, следовательно, перед польским населением не было еще этой собственной, неожиданной и ныне осуществимой цели для борьбы с австро-германским натиском [5, с. 334].

В повестке общественного дискурса важное место занял вопрос относительно будущего польских территорий не только внутри Российской империи, но и тех, которые входили в состав Германии и Австро-Венгрии.

Значимую роль в формировании общественного мнения по польскому вопросу играла интеллигенция. Как отмечает профессор Селезнев Ф.А., еще до начала Первой мировой войны «площадкой для обсуждения польской тематики стали неославистские структуры», среди которых особой активностью отличалось Общество славянского научного единения, объединившее деятелей прогрессистско-кадетского толка [9, с. 30]. На его основе сформировалась неформальная «Группа ученых и общественных деятелей прогрессивного направления, интересующихся иностранной политикой и сочувствующих славянам».

На очередном заседании группы, которое прошло 22 июля 1914 г. под председательством академика В.М. Бехтерева, были приняты четыре резолюции, касающиеся начавшейся Первой мировой войны. Одной из ключевых тем обсуждения стал польский вопрос. В резолюции подчеркивалось, что «в разгоревшейся войне, представляющей борьбу против милитаризма и насилия германцев над культурой остальных европейских народов, дело идет в то же время о праве на самостоятельное существование на материке Европы создавших самобытную культуру славянских и других народов» [6, с. 1056]. Акцентировалось, что «Польше, по условиям театра военных действий, суждено испытать особенно тяжелые последствия». Важно отметить, что участники заседания призвали к оценке «по достоинству» со стороны русского общества и правительства «ударов, принятых на себя Польшей». Подразумевалось, что в результате войны польский вопрос должен быть «наконец разрешен на началах славянского братства и справедливости» [6, с. 1056].

Отчет о данном собрании, а также принятая резолюция по польскому вопросу 24 июля были опубликованы в популярной петербургской газете «Биржевые ведомости», а затем в сентябре

1914 г. под заголовком «Отклики войны» в ежемесячном историко-литературном журнале «Исторический вестник». Принятая резолюция привлекла внимание широких слоев населения. Идея объединения всех польских земель под скипетром Романовых все чаще звучала в общественном дискурсе.

26 июля 1914 г. в обстановке «патриотической эйфории» состоялось историческое заседание IV Государственной думы. Большинство депутатов безоговорочно поддержало призыв премьер-министра забыть внутренние распри и «без различия фракций и направлений, проникнуться заветами Царского Манифеста и сплотиться вокруг единого знамени, на котором начертаны величайшие для всех нас слова: Государь и Россия» [цит. по 7, с. 124].

Особое внимание на заседании привлекли выступления представителей польского кола, которые выразили надежду на единство славянских народов в борьбе против внешних угроз. Один из депутатов воскликнул: «Разъединенные территории, мы в чувствах своих и симпатиях к славянам должны составлять единое целое... Дай Бог, чтобы славянством, под главенством России, был дан тевтонам такой же отпор, как пять столетий тому назад Польшей и Литвой был им дан при Грюнвальде. Пусть наша кровь и ужасы братоубийственной для нас войны приведут к соединению разорванного на три части народа» [2, с. 342]. Заявление было встречено бурным одобрением всей залы.

В тот же день аналогичную позицию высказал представитель поляков в Государственном Совете, который подчеркнул, что «поляки пойдут в бой, руководствуясь не одним лишь исполнением долга». Он отметил, что их кровь прольется за «правое дело», надеясь на прекращение векового русско-польского раздора и установление прочного согласия между народами [2, с. 343].

Неделю спустя, 1 августа 1914 г., верховный главнокомандующий российской армии великий князь Николай Николаевич обратился с возвнанием к полякам, которое сыграло важную роль в активизации обсуждения польского вопроса в обществе. Важный политический момент – обращение к полякам подготовлено не от

имени Императора и даже не от имени правительства, а от имени верховного главнокомандующего. Имя великого князя придало «воззванию» соответствующую внушительность и в то же время некоторую отстранённость от официальных кругов. Однако историк Поздняк С.В. акцентирует внимание на том, что «документ столь сильного общественно-политического звучания не мог появиться без ведома императора [8, с. 163]. Вместе с тем, как констатировал в своих «Записках» сотрудник Министерства иностранных дел Г.Н. Михайловский, инициатива составления «воззвания» исходила от самого министра иностранных дел и «надо было проявить всю энергию и темперамент Сазонова, чтобы вырвать у государя согласие на воззвание Николая Николаевича» [1, с. 69].

Первая строка документа явно свидетельствует, что «воззвание» обращено не только к населению Царства Польского: «Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться» [4, с. 910]. В «воззвании», где под мечтой понимается возможность объединения всех польских земель в границах до 1772 г., дается политическая оценка трех разделов Речи Посполитой: «Полтора века тому назад живоетело Польши было растерзано на куски», причем не отрицается роль России в этом процессе, но предполагается, что именно сейчас настал момент «братского примирения». Текст «воззвания» был призван транслировать мысль о возможности реализации данного проекта только под «скипетром Русского Царя». Таким образом, исключалась возможность отторжения земель Северо-Западного края от империи; речь шла не только о сохранении целостности государства, но и о расширении его территории. Пункт о свободе самоуправления ввиду специфики текста не предполагал конкретизации и давал широкий простор для интерпретаций представителями не только польской общественности, но и российской.

В данном конкретном случае призыв великого князя к возрождению Польши, свободной «в своей вере, языке и самоуправлении» [цит. по 8, с. 163], был весьма кстати, т. к. формально исходил от военной власти, а царя в принципе вообще ни к чему не

обязывал. Кроме того, необходимо было по-прежнему представлять польский вопрос как внутреннее дело России, не придавая ему какого-либо излишнего международного звучания.

Несмотря на то, что документ не содержал в себе никаких конкретных обязательств, он стал катализатором, спровоцировавшим большой общественный резонанс и позволившим выстроить идеологическую основу для продвижения идеи «единого фронта» против внешнего врага.

Таким образом, в начале Первой мировой войны польский вопрос в контексте патриотического дискурса стал важным элементом общественной сферы, оказавшим влияние на мобилизацию населения и дальнейшую внутреннюю политику Российской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 г. (по «Запискам» Г.Н. Михайловского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 4. С. 68-76.
2. Арсеньев К. Война и национальности. // Вестник Европы. 1914. Сентябрь. С. 342-349.
3. Бахтурина, А. Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132-136.
4. Дмитриева Н.В. Интерпретация кадетами исторической составляющей польского вопроса в начале Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 906–919.
5. Жилкин И. Провинциальное обозрение. // Вестник Европы. 1914. Декабрь. С. 333-342.
6. Исторический вестник. 1914. № 9. С. 1053-1064.
7. Кустов В.А. Историческое заседание IV Государственной думы и внешняя политика России // Власть. 2011. № 10. С. 122-126.

8. Поздняк С.В. «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны. // Российские и славянские исследования. 2004. Вып.1. С. 159-173.
9. Селезнев Ф.А. Воззвание Великого князя Николая Николаевича к полякам 1 (14) августа 1914 года // Славяноведение. 2017. № 5. С. 28-41.

THE POLISH QUESTION IN THE PATRIOTIC DIS-COURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGIN-NING OF WORLD WAR I

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Polish question in the context of the patriotic discourse of the Russian Empire at the beginning of World War I. In the conditions of a global conflict, when the mobilization of the population and strengthening internal unity became key tasks, the Polish question took on new significance. The article outlines the events that influenced the activation of public discourse during the early period of World War I and their reflection in the printed media. **Keywords:** Polish question, World War I, patriotic discourse, public sentiment, periodical press.

REFERENCES

1. Arzhakova L.M. The Polish question in 1914 (based on the "Notes" of G.N. Mikhailovsky) // Bulletin of the St. Petersburg University. History. 2012. No. 4. pp. 68-76.
2. Arsenyev K. War and nationalities. // Bulletin of Europe. 1914. September. pp. 342-349.
3. Bakhturina, A. Y. The Appeal to the Poles on August 1, 1914 and its authors // Questions of History. 1998. No. 8. pp. 132-136.
4. Dmitrieva N.V. The Cadets' interpretation of the historical component of the Polish question at the beginning of the First World War // Bulletin of St. Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Issue 4. pp. 906-919.

-
-
- 5. Zhilkin I. Provincial review. // Bulletin of Europe. 1914. December. pp. 333-342.
 - 6. Historical Bulletin. 1914. No. 9. pp. 1053-1064.
 - 7. Kustov V.A. The historical meeting of the IV State Duma and the foreign policy of Russia. 2011. No. 10. pp. 122-126.
 - 8. Pozdnyak S.V. "The Polish question" in the power structures of Imperial Russia on the eve and during the First World War. // Russian and Slavic studies. 2004. Issue 1. pp. 159-173.
 - 9. Seleznev F.A. The appeal of Grand Duke Nicholas Nikolaevich to the Poles on August 1 (14), 1914 // Slavic Studies. 2017. No. 5. pp. 28-41.

Сведения об авторе:

Тишина О.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия).
E-mail: tishina.ov@bk.ru

Воронин Г.Г.

(Россия. Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского)

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ
НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ РАБОТАХ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ:
СПЕЦИФИКА НАДЗОРА**

Аннотация: Исследование системы надзора за военнопленными Центральных держав в Российской империи в годы Первой мировой войны является важным для понимания логистических, административных и гуманитарных вызовов военного времени, а также влияния масштабного присутствия пленных на тыловую инфраструктуру и безопасность. Цель статьи: Проанализировать специфику организации надзора и охраны военнопленных, привлеченных к работам на железных дорогах, выявить системные проблемы и противоречия в реализации нормативных предписаний на практике. В основе работы лежит анализ архивных документов (циркуляров, рапортов, переписки), нормативно-правовых актов («Положения о военнопленных» 1914 г., ведомственные правила), а также данных исторической статистики.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Российская империя, железнодорожные работы, надзор, корпус жандармов.

Надзор за военнопленными в Российской империи в годы Первой мировой войны – это масштабная и крайне сложная логистическая и гуманитарная операция, которая с

самого начала столкнулась с огромными трудностями. Сложность, прежде всего, заключалась в масштабах проблемы.

В Российской империи, как в прочем и в других странах, вступивших в войну, никто не ожидал такой ее продолжительности и ожесточенности сражений, и, как следствие – такого количества пленных. Данные относительно военно-пленных, оказавшихся на территории России до сих пор окончательно не определены. Так, германский исследователь Р. Нахтигаль указывает их количество приблизительно в 2 млн 340 тыс. человек, из них – 2,1 млн австро-венгерских, 170 тыс. немецких, 60–80 тыс. солдат османской армии и несколько сотен болгарских пленных в России [3, с. 143].

Историк А.Л. Самович приводит несколько другие цифры. На 1 сентября 1917 г., по его подсчетам, в России в плену прибывало 1.961.333 человека. Среди общего количества и по его данным преобладали подданные Австро-Венгрии (1.736.764 человека) [6, с. 104].

Тема военного пленя в годы Первой мировой войны на сегодняшний день имеет достаточно обширную отечественную историографию. При этом исследователи по большей части интерпретируют региональную социальную и экономическую историю феномена, в то же время многие вопросы по организации в общероссийском масштабе пребывания пленных в местах содержания остаются до сих пор вне поля исследовательского интереса. Однако, учитывая, что в заключительный период существования Российской империи масса военнопленных, являясь дестабилизирующим фактором, так или иначе определяла динамику развития социальных, экономических, а затем и политических процессов, представляется актуальным исследовать деятельность военного командования и правительства по выстраиванию

системы надзора и контроля в комплексе, чтобы определить их эффективность в контексте решения возможных проблем.

Положение о военнопленных было подписано председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным, а затем окончательно утверждено Николаем II 7 октября 1914 г. Положение в том числе определяло способы их отправки в места окончательного пребывания. Так, военнопленные, «взятые в районе действий русских армий и флота» должны были со-средотачиваться в определенных местах по распоряжению Верховного главнокомандующего, а оттуда отправляться в сборные пункты в тыл армии [4, с. 3].

Отправляясь они должны были партиями под начальством офицеров или унтер-офицеров с конвоем. На этих сборных пунктах военнопленные сдавались партионным начальникам по особым именным спискам, в которых содержались следующие сведения: «а) звание его и воинская часть, к которой он принадлежал или название корабля, на котором он служил; б) место жительства в его отечестве; в) к какому вероисповеданию он принадлежит, и г) когда и в каком месте взят в плен» [4, с. 3].

В главе III «Положения» определялся порядок нахождения военнопленных на сборных пунктах, а затем их дальнейшего препровождения в места назначения. Ответственными за пребывание военнопленных в них возлагалось на уездных воинских начальников под руководством начальников местных бригад. Условия их пребывания в сборных пунктах определялись правилами, установленными для пересыльных команд, при местных воинских частях, причем, для наблюдения за порядком между военнопленными и для надзора за ними, из состава местных частей в достаточном количестве назначались унтер-офицеры и рядовые, а при

необходимости и офицеры. Если возникали сложности языкового характера для общения с военнопленными предполагался переводчик.

По прибытии в сборный пункт, начальник партии обязан был сдать военнопленных вместе со списками и другими документами, принадлежавшими им деньгами и вещами уездному воинскому начальнику. Уездный начальник в свою очередь должен был принять людей по спискам. В каждом сборном пункте предполагалось вести особые алфавитные книги, в которые заносились бы все данные о прибывших военнопленных, а также места их последующей отправки, согласно полученным от Главного управления Генерального штаба указаниям [4, с. 4]. Здесь же из военнопленных должны были формироваться партии, которые отправлялись бы в места назначения по железным или грунтовым дорогам, водным транспортом в сопровождении назначенных унтер-офицеров или офицеров.

В соответствии с распоряжением Генерального штаба военнопленные немцы, австрийцы, венгры как менее благонадежные должны были отправляться для окончательного размещения в Сибирь, Туркестан и Дальний Восток, а пленные-славяне, итальянцы и румыны размещаться в центральных губерниях Российской империи [6, с. 104].

В местах размещения военнопленные должны были содержаться при местных частях в виде команд, которые разделялись на взводы, полуроты, роты, во главе которых должны были находиться офицеры и унтер-офицеры [4, с. 7]. Примечательна 55 статья «Положения», согласно которой «команды военнопленных при войсках, относительно общего благоустройства и внутреннего порядка, содержатся на тех же основаниях, как и местные части» [4, с. 7].

Размещать военнопленных предполагалось в «свободных казармах, за неимением таковых... в частных домах». Военнопленным офицерам предоставлялось изначально право проживать в частных квартирах, «буде военнопленные дадут обязательство на честном слове, что они не будут удаляться за пределы означенного района» [4, с. 8]. Довольствие для военнопленных определялось одинаковое с нижними чинами. Высшее офицерство получало содержание в соответствие с табелью окладов жалованья по чинам (приказ по военному ведомству. 1899 г. № 141).

Вопрос трудового использования военнопленных стал обсуждаться на заседаниях Совета министров уже 21 и 23 августа, а 25 августа 1914 г. его предложения были одобрены императором [5, л. 76]. Необходимость использовать труд заключенных поддержал и Верховный главнокомандующий, о чем сообщал начальник его штаба в письме военному министру: «Имея ввиду, что наши пленные привлекаются к разным работам, не исключая и тяжкие, Верховный главнокомандующий признает совершенно справедливым привлечение германских и австрийских пленных тоже к работам преимущественно сельско-хозяйственным, дорожным, ирригационным и т. д. с оповещением о сем, дабы дать удовлетворение как обществу, так и армии, до которой доходят слухи, что даже наши офицеры не избавлены в Германии от общественных работ. При этом Великий князь полагает, что в отношении немцев должны быть приняты более строгие меры воздействия» [5, л. 75].

Ввиду необходимости скорейшего рассмотрения вопроса министрам заинтересованных ведомств поручалось представить свои соображения по поводу использования труда военнопленных. Уже 23 августа Совет министров одобрил целый ряд предложений и проектов Министерства

путей сообщения по использованию труда военнопленных на водных и шоссейных дорогах, а 5 сентября министерство представило «правила о военнопленных, привлеченных к производству казенных работ по Министерству путей сообщения» [5, л. 78].

Согласно представленным правилам, «по указанию Военного министерства назначенное число военнопленных без обязательного подразделения их по профессиям... до места работы военнопленные эти сопровождаются под установленным военным конвоем» [5, л. 80]. Военнопленные должны были быть снабжены одеждой, обувью и бельем. При каждой партии военнопленных для более эффективного управления ими должен был находиться офицерских чин из военнопленных.

При доставлении военнопленных на место работы военный конвой снимался, и они поступали под надзор начальника работ, который для этого должен был нанять вооруженных десятников и сторожей. Если же этого оказывалось недостаточным на место работы начальником работ командировались ополченцы. Военнопленных должны были размещать в бараках и землянках и только при отсутствии таковых разрешалось их селить в частных домах, но «непременно частным порядком» [5, л. 80 об.].

Уже 16 сентября 1914 г. Совет министров учредил «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжении заинтересованных в том ведомств», а 10 октября 1914 г. были приняты «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» [2, л. 42]. Причем содержание и охрана военнопленных предполагалась за счет частных обществ.

Начальникам, управляющим, директорам железных дорог и заведующим подъездными путями 8 октября 1914 г. было разослано предписание Управления железных дорог, согласно которого они должны были сообщить сведения «Относительно привлечения военнопленных к работам на вверенном вам дорогам» [2, л. 28].

Однако практическое привлечение военнопленных к сооружению подобного рода объектов вызвало немало вопросов, причем речь шла не только об экономической сообразности, но и о сложностях обеспечения надзора над ними. О чем, например, сообщал 22 января 1915 г. Председатель Совета министров министрам В.А. Сухомлинову, И.Г. Щегловитову, А.В. Кривошеину [5, л. 252 об.]

Тем не менее, такие запросы поступали и по мере продолжения военного конфликта их становилось больше. Так, в феврале 1915 г. в Управление железных дорог поступил рапорт, в котором, ссылаясь на недостаток рабочих рук в связи с мобилизацией в армию запасных нижних чинов и ратников ополчения, начальник железной Сызранско-Вяземской дороги просил выделить для разного рода работ 1750 человек военнопленных нижних чинов: «...причем из означенного числа чернорабочих желательно иметь 150 чел. мастеровых (плотников, столяров, каменщиков, землекопов, кровельщиков), для текущего ремонта зданий и полотна пути в числе коих около 75-ти человек землекопов» [2, л. 28].

Прибытие военнопленных требовалось ко 2 мая, дополнительно оговаривалось, чтобы они были исключительно славянского происхождения из числа служивших ранее на железной дороге. Прибывающие партии военнопленных должны были приниматься начальниками участков, которые обязаны были озабочиться обустройством казарм или землянок, приобретением инвентаря, закупкой припасов в сумме

не более 50 коп. в день на человека. Что касается контингента стражников, их вооружения и подчинения – вопрос решался путем переговоров с военным министерством и жандармской полицией [2, л. 29 об.-30].

В конечном итоге было решено для охраны военно-пленных организовать вооруженную стражу из ремонтных рабочих, по возможности ратников ополчения, которая подчинялась администрации дороги из расчета, примерно, один охранник на 12-14 военнопленных. Стражников можно было назначать как из числа штатных, так и из надежных поденных работников, предпочтительно из пожилых, грамотных, бывших военнослужащих.

Стражники вооружались берданками с патронами картечи по 12 на ружье, также им выдавался свисток. Обращаться с оружием их должен был обучать жандармский унтер-офицер. Жалованье стражников составляло от 25 до 30 рублей в месяц. В циркуляре начальника службы пути подчеркивалось, что «обращение с военнопленными должно быть строгое. Нужно требовать полного послушания и усердной работы, не допуская никаких послаблений, не забывая, что пленные находятся на принудительной работе для заработка или своих личных выгод» [2, л. 31].

Обязанности сторожей заключались в следующем: «утром в установленный час сторож должен был разбудить военнопленных и сделать перекличку, затем отвезти на место работы и сдать в артель старосте, вечером сторож должен прийти на место работы, принять пленных от артельного старосты, отвезти их на ночлег в часть, когда пленные должны ложиться спать, сторож должен сделать им перекличку и ночью караулить пленных. Отдыхать стража должна днём» [2, л. 31].

Уже к лету 1915 г. Главное управление Генерального штаба озабочилось тем, что участились случаи отказа военнопленных от работы, «что ставит работодателя в весьма затруднительное положение, так как они не пользуются по отношению к находящимся в их распоряжении военнопленными никакой властью, не могут принять каких-либо репрессивных мер против отказавшихся от работы военнопленных и вынуждены, в силу этого, отправлять таковых пленных обратно в распоряжение военного ведомства» [1, л. 15].

Рекомендации дальнейших действий в отношении этих лиц состояли в следующем. Надлежало их выделить в особые группы и содержать на строгом тюремном режиме, с применением к ним особых строгих правил содержания в дальнейшем, на все время пребывания их в пленау. Для всех военнопленных было рекомендовано создать, по возможности, «более или менее одинаковые жизненные условия и, притом такие, которые отнюдь не были бы лучше тех, в каких находятся русские рабочие». В места расселения военнопленных было рекомендовано направлять офицеров, находившихся на излечении. Офицеры должны были проверять порядок содержания военнопленных, следить, чтобы «военнопленные не назначались старшими над русскими рабочими. Но в каждой партии военнопленных, работающих в данном пункте, обязательно должен быть назначен один из военнопленных за старшего, который и должен наблюдать за порядком в этой партии военнопленных» [1, л. 16].

Большое сомнение вызывала у жандармского управления и возможность использования военнопленных на железной дороге «не смотря на их национальность», о чем сообщал начальник жандармского полицейского управления железных дорог 22 мая 1915 г. начальнику Северных желез-

ных дорог [2, л. 7]. Об этом же были уведомлены вологодский и вятский губернаторы. Тем не менее, командующий корпусом жандармов признал возможным допустить для нагрузки и выгрузки с пароходов в полосе отчуждения «военнопленных лишь славянского происхождения и на боковых, а не на главных линиях, при условии надлежащего надзора» [2, л. 8].

Однако «надлежащий надзор» и в этом случае не был организован. Во всяком случае уже в начале июня на имя министра внутренних дел поступила телеграмма из Пензы от исполнявшего обязанности губернатора Евреинова, в которой сообщалось, что «по линии Сызрано-Вяземской железной дороги, по коей ежедневно следуют беспрерывно поезда со снарядами, артиллерией и войсками, работают военнопленные, гуляя свободно по полотну железной дороги...» [2, л. 10]. По сведениям чиновника, эти военнопленные в основном славяне и итальянцы, имелись и немцы, отпускались управлением дороги в распоряжение отдельных начальников участка.

Такая же ситуация сложилась и на других железных дорогах, где использовались военнопленные. Так, начальник штаба Казанского военного округа телеграфировал 18 января 1916 г. начальнику штаба корпуса жандармов: «...из донесений особо командированного командующим войсками штаб-офицера видно, что пленные, состоящие в распоряжении одного из Начальников участков службы пути Самаро-Златоусовской дороги, свободно ходят без всякого надзора в полосе отчуждения, что возбуждает опасения за целость железнодорожных путей и мостов» [2, л. 155]. Сам же начальник Самарского жандармского полицейского управления в рапорте в штаб Отдельного корпуса жандармов сообщал, что

администрация дороги относится «к делу охраны военно-пленных крайне поверхностно и халатно». «Основным мотивом этому противодействию является нежелание производить лишние затраты на наем специальных вооруженных сторожей» [2, л. 158]. Донося о вышеизложенном, начальник «усердно просил о назначении офицеров во вверенное мне управление, ибо с отъездом адъютанта управления к новому месту службы, в моем распоряжении находится всего 5 офицеров вместо 10, положенных по штату» [2, л. 158 об.].

В свою очередь, командующий корпусом жандармов, получив сведения о том, что на железных дорогах военно-пленные бродят свободно и без всякого надзора, придавал серьезное значение правильной постановке в управлении дела охраны и надзора за работавшими на железных дорогах военнопленными. В целях обеспечения охраны от покушения на целостность сооружений и обеспечения непрерывности движения по железным дорогам, а также для предотвращения шпионажа, им было приказано обратить особое внимание начальника управления на разработку мер охраны военнопленных [2, л. 158 об.].

Начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог 13 февраля 1916 г. был разослан секретный циркуляр, в котором указывалось, что «охранение внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог лежит на обязанности железнодорожной полиции» [2, л. 162.], а поэтому общее руководство возложено на начальников полицейских управлений железных дорог. Так как нижние чины жандармских железнодорожных управлений были «переобременены ныне своими прямыми обязанностями в связи с обстоятельствами военного времени, непосредственного участия в самой охране военно-

пленных принять не могут, и таковая должна в целом ложиться на нанимаю стражу, организуемую и инструктируемую чинами названных управлений» [2, л. 162-162 об.]

Подводя итог сказанному, следует отметить, что использование труда военнопленных на критически важных железнодорожных объектах создало комплекс проблем. Система надзора, формально возложенная на администрацию дорог и железнодорожную полицию, оказалась неэффективной из-за хронического недофинансирования, нехватки кадров охраны и халатного отношения к инструкциям. Это приводило к бесконтрольному передвижению пленных, создавая угрозы шпионажа и диверсий.

Дисциплинарный контроль был ослаблен, так как гражданские начальники работ не имели реальных рычагов воздействия на отказавшихся работать. Организация надзора за военнопленными на железнодорожных работах в России в годы Первой мировой войны представляла собой неустойчивый компромисс между хозяйственной необходимостью, ограниченными ресурсами и требованиями безопасности. Нормативная база, созданная в начале войны, не соответствовала реальным условиям длительного конфликта, что привело к децентрализации, слабости охраны и постоянному конфликту интересов между военным ведомством, Министерством путей сообщения и структурами безопасности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 71. Д. 1186. По мобилизации. О временном положении военнопленных в войну 1914 года и о привлечении оных к исполнению казенных и общественных работ.

2. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4051. Штаб отдельного корпуса жандармов.
3. Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142-156.
4. Положение о военнопленных // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отдел 1. 2-е полугодие 1914. № 281. 16 октября.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1275. Оп. 10. Д. 732.

Voronin G.G.

(Russia. Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky)

**PRISONERS OF WAR OF THE CENTRAL
POWERS ON RAILWAY WORK
IN THE FIRST WORLD WAR: SPECIFICS
OF SUPERVISION**

Abstract: The study of the system of supervision of prisoners of war of the Central Powers in the Russian Empire during the First World War is important for understanding the logistical, administrative and humanitarian challenges of wartime, as well as the impact of the large-scale presence of prisoners on the logistics infrastructure and security. The purpose of the article is to analyze the specifics of the organization of supervision and protection of prisoners of war involved in railway work, to identify systemic problems and contradictions in the implementation of regulatory requirements in practice. The work is based on the

analysis of archival documents (circulars, reports, correspondence), regulatory legal acts ("Regulations on Prisoners of War" of 1914, departmental rules), as well as historical statistics.

Keywords: World War I, prisoners of war, Russian Empire, railway work, supervision, gendarmerie corps.

REFERENCES

1. GA of the Russian Federation (State Archive of the Russian Federation). F. 102. Op. 71. D. 1186. On mobilization. On the temporary situation of prisoners of war in the war of 1914 and on their involvement in government and public works.
2. GA RF. F. 110. Op. 4. D. 4051. Headquarters of the separate gendarmerie corps.
3. Nachtigall, R. Prisoners of war in Russia during the First World War // Quaestio Rossica. 2014. No. 1. pp. 142-156.
4. Regulations on prisoners of war // Collection of laws and Government orders issued under the Governing Senate. 1914. Department 1. 2nd half of 1914. No. 281. October 16. 5. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1275. Op. 10. D. 732.

Сведения об авторе:

Воронин Григорий Григорьевич – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Voronin Grigory Grigorievich – Postgraduate student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia).

**РАЗДЕЛ III.
ТРАНСГРАНИЧЬЕ В СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

*Попова Е.,
Фролова О. Е.,
Петров Е. В.*

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории)

ТЕХНОЛОГИИ ТРЁХМЕРНОГО КОМПЬЮТЕР- НОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВА- НИЯХ

Аннотация: в статье анализируются сложности и противоречия, свойственные процессу становления и развития технологии трёхмерного моделирования как метода пространственного анализа в гуманитарных науках. Показано, что 3D-технологии, возникшие в конце XX века как средство точной фиксации памятников, постепенно превратились в самостоятельный метод научного анализа, позволяющий изучать форму, структуру и композицию объектов культурного наследия. Особое внимание уделяется междисциплинарному характеру цифровой реконструкции, объединяющей историко-культурные исследования, реставрацию и компьютерные технологии. Подчёркивается, что трёхмерная модель становится научным источником, совмещающим техническую точность и исследовательскую интерпретацию, а иммерсивные технологии виртуальной и дополненной реальности расширяют возможности взаимодействия с объектами наследия. Отмечаются ключевые проблемы - стандартизация, хранение данных и вопросы авторства. Делается вывод о том, что 3D-моделирование формирует новый уровень искусствоведческого анализа и способствует более эффективному сохранению и переосмыщлению культурного наследия.

Ключевые слова: трехмерное моделирование, искусствоведческая информатика, 3D-технологии, художественное наследие, объекты культурного наследия.

За последние десятилетия стремительное развитие информационных технологий привело к глубоким изменениям в профессиональных стандартах цифровой гуманитаристики (*digital humanities*). Одним из востребованных направлений в развитии искусствоведческой информатики стало использование трёхмерного моделирования, которое позволяет не только виртуально воспроизводить объекты культурного наследия, но и анализировать их с принципиально новых визуальных и исследовательских позиций. На наших глазах возникает особая междисциплинарная область знаний, объединяющая историко-культурные исследования, архитектурную реставрацию, компьютерные технологии и методы информационного моделирования. Ее миссия во многом обусловлена практической необходимостью в точном и наглядном документировании памятников, а также созданием инструментов, способных объединить визуальные и пространственные данные в исследовательской работе.

Цифровое изображение постепенно выходит за рамки иллюстративной функции, превращаясь в самостоятельный носитель научной информации. Трёхмерная модель становится полноценным исследовательским объектом, который можно измерять, анализировать, проверять и использовать для изучения формы, структуры и художественного замысла произведения. Параллельно развивается концепция иммерсивного взаимодействия с культурным наследием. Технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют по-новому воспринимать художественные объекты, восстанавливая утраченные пространственные и контекстуальные связи. При этом цель цифровой реконструкции уже не ограничивается демонстрацией памятника широкой аудитории - она направлена на возвращение его в живую историческую и архитектурную среду. Вместе с тем при использовании технологии встают вопросы, касающиеся стандартизации, точности и долговременного хранения цифровых баз данных. Всё более очевидным становится то, что трёхмерное моделирование - не просто

средство визуализации, а форма научного документа, требующая методической строгости. Таким образом, цифровая реконструкция не заменяет традиционные методы искусствоведческого анализа, а расширяет их, объединяя визуальные, аналитические и технологические подходы. 3D-моделирование становится полноценным инструментом исследования и сохранения культурного наследия, открывая новые перспективы для его интерпретации и представления.

Первые эксперименты с трёхмерными технологиями в гуманитарной сфере относятся к концу XX века, когда цифровые методы начали использоваться для фиксации археологических и архитектурных объектов [7]. Основной задачей тогда было максимально точное документирование памятников и создание цифровых копий, пригодных для целей консервации и реставрации. Именно в этот период зарождается направление виртуальной реконструкции, которое постепенно выходит за рамки чисто технического эксперимента и становится самостоятельной областью научных исследований [13].

К началу XXI века трёхмерное моделирование перестаёт быть исключительно инструментом фиксации и начинает использоваться как средство анализа и интерпретации культурных объектов. 3D-модель позволяет не просто визуализировать памятник, но и восстанавливать утраченные элементы, выявлять закономерности композиции, анализировать пропорции и пространственные решения. Таким образом, цифровая реконструкция становится частью исследовательского процесса, а не только способом представления его результатов [8].

Современные технологии виртуальной и дополненной реальности значительно расширили возможности взаимодействия с объектами наследия. Они дают возможность погружения в реконструированные пространства, что особенно важно при изучении архитектурных ансамблей и пространственных композиций. В результате трёхмерные модели становятся востребованным инструментом не только для архитекторов и археологов, но и для искусствоведов, реставраторов и музеиных специалистов [11].

Интеграция новых технологий в искусствоведческую практику объясняется их способностью сохранять облик памятников, находящихся под угрозой разрушения, реконструировать утраченные произведения или их фрагменты на основе сохранившихся источников, а также обеспечивать принципиально новый уровень визуализации, необходимый для более глубокого понимания художественного замысла, структуры и контекста произведения [2]. В отечественной практике имеются примеры, подтверждающие, что виртуальное моделирование способно объединить исследовательские, реставрационные и музейные задачи в единую систему [1]. Благодаря этому трёхмерные технологии выступают не только средством сохранения, но и инструментом осмыслиения художественной формы в её пространственном и историческом контексте [5]. Можно утверждать, что развитие 3D-технологий демонстрирует постепенный переход от функции фиксации к функции интерпретации памятников искусства. Это делает их неотъемлемой частью современного искусствоведческого анализа и открывает новые перспективы для изучения и сохранения культурного наследия.

Современные трёхмерные модели объектов культурного наследия создаются не только для визуализации, но и как инструмент анализа и интерпретации. В этом процессе исследователь выступает одновременно создателем и толкователем цифрового объекта. Его задачи включают управление процессом моделирования и принятие решений о том, какие элементы следует восстановить и каким образом. Цифровая модель в этом случае становится результатом совместной работы исследователя и технолога, где научная гипотеза соединяется с техническим воплощением [9]. При создании 3D-модели важно сохранять равновесие между точностью фиксации и авторским видением объекта. Необходимы строгие методы съёмки и обработки данных, обеспечивающие достоверность, но при этом исследователь неизбежно принимает интерпретационные решения относительно утраченных деталей.

Благодаря этому цифровая модель приобретает черты научного источника, а не иллюстрации [10].

Главная особенность метода - использование цифровых моделей как инструмента пространственного анализа. Так, в эпиграфических памятниках трёхмерные изображения помогают изучать рельеф надписей и выявлять детали, невидимые при обычном осмотре [12]. В архитектурных объектах 3D-модель даёт возможность исследовать объёмно-пространственную структуру, сравнивать реконструкции и определять наиболее убедительные варианты. Таким образом, модель превращается в средство визуального анализа, позволяющее свободно работать с масштабом, курсором и виртуальной реконструкцией. В современных условиях цифровые модели эффективно служат для мониторинга состояния сохранности памятников. Специальные методы фиксации позволяют отслеживать изменения поверхности, трещины и эрозию, что делает возможным объединение исследовательских и реставрационных задач в единую систему.

Использование 3D-технологий в искусствоведческой информатике сопровождается рядом сложностей. Прежде всего, это отсутствие единых профессиональных стандартов и систем долговременного хранения данных. Создание надёжных и совместимых с облачными технологиями моделей требует разработки единых методик для хранения больших массивов информации. Без этого 3D-объекты не могут стать полноценным инструментом академического исследования [4]. Крайне сложной темой остаётся проблема интерпретации «авторства» и «защиты авторских прав». Хотя 3D-модели опираются на объективные данные, они неизбежно отражают субъективные решения исследователя. Осознание данного факта позволяет открыто фиксировать реконструкционные допущения и тем самым повышать прозрачность научного анализа. В отдельных случаях, например, при утрате оригинала, подобная модель может рассматриваться как его достоверный цифровой аналог. В итоге цифровая модель – не копия, а самостоятельный исследовательский инструмент, объединяющий техническую точность и творческое осмысление. В ряде случаев именно

она становится единственным способом восстановления облика памятника и сохранения информации о нём. Любая модель отражает субъективное видение исследователя, что вызывает дискуссии о корректности реконструкции и правах на цифровое изображение. Кроме того, виртуальное воспроизведение обязывает учитывать культурный и исторический контекст, чтобы не исказить смысл оригинала [6].

Несмотря на все сложности, современные методы 3D-съёмки и фотограмметрии становятся всё более доступными, что позволяет использовать их даже при ограниченных ресурсах. Это способствует включению трёхмерного моделирования в исследовательские и музейные проекты. Будущее технологии связано с её интеграцией в систему искусственного интеллекта, основанную на анализе больших данных. Не менее важно говорить о необходимости привязки метаданных 3D-моделей к развитию облачных технологий, опирающихся на единый стандарт хранения и воспроизведения цифровых памятников. Такие инструменты позволяют автоматизировать обработку информации, выявлять закономерности и представлять объекты в интерактивной форме. Особенно важным направлением становится использование 3D-моделей для мониторинга за состоянием ОКН и наблюдения за сохранностью архитектурного наследия [3].

В современных условиях развития компьютерных технологий 3D-моделирование стремительно превращаются в самостоятельный метод искусствоведческой информатики. Интегральные возможности данного метода объединяют точность технических средств с классическими методами творческой реконструкции и открывают новые пути в изучении и сохранении культурного наследия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гасанов А.А. Виртуальная реконструкция индустриального наследия: опыт 3D-реконструкции архитектурного

облика производственного корпуса // Историческая информатика. 2021. № 2. С. 88–114.

2. Гасанов А.А., Бородкин Л.И. Индустриальное наследие России, способы сохранения: музеефикация, перепрофилирование и виртуальная 3D-реконструкция // Человеческий капитал. 2025. С. 27–37.

3. Марьина Е.Ю. Цифровое пространство: противоречия становления и развития // Молодой вченик. 2016. № 9 (36). С. 335–339.

4. Петров С.Т., Тарасов А.А. Цифровое наследие культуры: проблемы формирования, развития и безопасности. 2014. С. 101–113.

5. Сагманова Г.М., Гончаров С.А. Методы создания цифровой модели рельефа археологического памятника: оценка эффективности различных подходов на примере археологического комплекса Заюково – Гунделен // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы V Международной конференции молодых учёных. М., 2019. С. 163–164.

6. Скаковская Н.В., Бобков С.П. Проблемы и перспективы виртуальной реконструкции культурного наследия // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 121–130.

7. Athanasiou E., Faka M., Hermon S., Vassallo V., Yiakoupi K. 3D Documentation Pipeline of Cultural Heritage Artifacts: A Cross-disciplinary Implementation // Digital Heritage International Congress. 2013. P. 501–508.

8. Bekele M.K., Pierdicca R., Frontoni E., Malinverni E.S., Gain J. A Survey of Augmented, Virtual, and Mixed Reality for Cultural Heritage // Journal on Computing and Cultural Heritage. 2018. Vol. 11, No. 2. P. 36.

9. Bernardini F., Rushmeier H. The 3D Model Acquisition Pipeline // Computer Graphics Forum. 2002. Vol. 21, No. 2. P. 149–172.

10. Pietroni, E., Ferdani, D. Virtual Restoration and Virtual Reconstruction in Cultural Heritage: Terminology, Methodologies,

Visual Representation Techniques and Cognitive Models // Information. 2021. Vol. 12. P. 32.

11. Remondino F. Heritage Recording and 3D Modeling with Photogrammetry and 3D Scanning // Remote Sensing. 2011. Vol. 3, No. 6. P. 1104–1138.
12. Stylianidis E., Remondino F. Digital Management of Cultural Heritage // Applied Sciences. 2020. Vol. 10, No. 3. Article 1012. P. 1.
13. Wright J. 3D Recording, Documentation and Management of Cultural Heritage. By Efstratios Stylianidis and Fabio Remondino. The Antiquaries Journal. 2018. Vol. 98. P. 1.

*Popova E.,
Frolova O. E.,
Petrov E. V.*

(Russia. Saint Petersburg State University.
Institute of History)

THREE-DIMENSIONAL COMPUTER MODELING TECHNOLOGIES IN ART-HISTORICAL RESEARCH

Abstract: The article examines the formation and development of three-dimensional modeling as a new research tool in the humanities. It is shown that 3D technologies, which emerged in the late 20th century as a means of precise documentation of monuments, have gradually evolved into an independent method of scholarly analysis, enabling the study of the form, structure, and composition of cultural heritage objects. Special attention is paid to the interdisciplinary nature of digital reconstruction, which integrates historical and cultural studies, restoration practices, and computer technologies. The article emphasizes that a 3D model becomes a scholarly source that combines technical accuracy with interpretative decisions, while immersive technologies of virtual and augmented reality expand the possibilities of interacting with heritage objects. Key challenges—including standardization, data

preservation, and issues of authorship - are also discussed. It is concluded that 3D modeling constitutes a new level of art-historical analysis and contributes to the preservation and reinterpretation of cultural heritage.

Keywords: three-dimensional modeling, art history, 3D technologies, artistic heritage, study and preservation of cultural heritage.

REFERENCES

1. Gasanov A. A. Virtual'naya rekonstrukciya industrial'nogo naslediya: opy't 3D-rekonstrukcii arxitekturnogo oblika proizvodstvennogo korpusa // Istoricheskaya informatika. 2021. № 2. S. 88-114.
2. Gasanov A. A., Borodkin L. I. Industrial'noe nasledie Rossii, sposoby soxraneniya: muzeifikaciya, pereprofilirovaniye i virtual'naya 3D-rekonstrukciya // Chelovecheskij kapital. 2025. S. 27-37.
3. Mar'ina E. Yu. Cifrovoe prostranstvo: protivorechiya stanovleniya i razvitiya // Molodij vchenij. 2016. № 9 (36). S. 335-339.
4. Petrov S. T., Tarasov A. A. Cifrovoe nasledie kul'tury: problemy' formirovaniya, razvitiya i bezopasnosti. 2014. S. 101-113.
5. Sagmanova G. M., Goncharov S. A. Metody' sozdaniya cifrovoj modeli rel'efa arxeologicheskogo pamyatnika: ocenka effektivnosti razlichny'x podxodov na primere arxeologicheskogo kompleksa Zayukovo - Gundelen // Novy'e materialy' i metody' arxeologicheskogo issledovaniya: materialy' V Mezhdunarodnoj konferencii molody'x uchyon'yx. M., 2019. S. 163-164.
6. Skakovskaya N. V., Bobkov S. P. Problemy' i perspektivy' virtual'noj rekonstrukcii kul'turnogo naslediya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2023. № 49. S. 121-130.
7. Athanasiou E., Faka M., Hermon S., Vassallo V., Yiakoupi K. 3D Documentation Pipeline of Cultural Heritage Artifacts: A Cross-disciplinary Implementation // Digital Heritage International Congress. 2013. P. 501-508.

8. Bekele M. K., Pierdicca R., Frontoni E., Malinverni E. S., Gain J. A Survey of Augmented, Virtual, and Mixed Reality for Cultural Heritage // *Journal on Computing and Cultural Heritage*. 2018. Vol. 11, No. 2. P. 36.
9. Bernardini F., Rushmeier H. The 3D Model Acquisition Pipeline // *Computer Graphics Forum*. 2002. Vol. 21, No. 2. P. 149-172.
10. Pietroni, E., Ferdani, D. Virtual Restoration and Virtual Reconstruction in Cultural Heritage: Terminology, Methodologies, Visual Representation Techniques and Cognitive Models // *Information*. 2021. Vol. 12. P. 32.
11. Remondino F. Heritage Recording and 3D Modeling with Photogrammetry and 3D Scanning // *Remote Sensing*. 2011. Vol. 3, No. 6. P. 1104-1138.
12. Stylianidis E., Remondino F. Digital Management of Cultural Heritage // *Applied Sciences*. 2020. Vol. 10, No. 3. Article 1012. P. 1.
13. Wright J. 3D Recording, Documentation and Management of Cultural Heritage. By Efstratios Stylianidis and Fabio Remondino. *The Antiquaries Journal*. 2018. Vol. 98. P. 1.

Пономарёв И. И.,

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, Санкт-Петербург)

Ринк А. А.

(Россия Санкт-Петербургский государственный университет, Фа-
культет Свободных искусств и наук. Санкт-Петербург)

**ПРОВОДНИК МЕЖДУ МИРАМИ:
ИКОНОГРАФИЯ МЕРКУЦИО И ФЕИ МАБ
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОСТАНОВКАХ. ПАРАЛ-
ЛЕЛИ, ЦИТАТЫ, МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМО-
ДЕЙСТВИЯ.**

К постановке проблемы

Аннотация: Рассматривается иконография Меркуцио из «Ромео и Джульетты» У. Шекспира и связанной с персонажем фигуры – королевы фей Маб. Предлагается ряд деталей и мотивов, характерных для визуальной презентации Меркуцио и «шекспировской» Маб со второй половины XVIII века по настоящее время. Проблематизируются устойчивые трактовки образа персонажа.

Ключевые слова: Ромео и Джульетта, Меркуцио, королева Маб, изобразительное искусство, театр.

«Родственник герцога и друг Ромео» – такова первая характеристика, которая даётся Меркуцио в пьесе У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Образы этой трагедии, будучи многократно осмысленными на сцене и в изобразительных искусствах, представляют собой благодатную почву для иконографических исследований.

Целью статьи представляется постановка вопроса: существуют ли устойчивые ходы в иконографии Меркуцио? Если да, то каковы они? Может ли Меркуцио визуально изменяться – не только вслед за прочими действующими лицами, но и как таковой?

В силу обширности источников, статья ограничивается лишь предложением некоторых, как кажется, магистральных линий.

Почему взят именно Меркуцио?

Образ Меркуцио, сам по себе довольно комичный, в пьесе является спусковым крючком и для завязки (приглашение на бал), и для трагических событий с третьего акта (цепочка смертей после схватки Меркуцио и Тибальта). Однако в западных исследованиях спор о «функциональности» Меркуцио или его «неподконтрольности» для сюжетной логики – сохранял актуальность и в XX веке [5, с. 107]: мотивы, которые вносит персонаж, загадочны и будто оторваны от основного нарратива.

Такова загадка монолога Меркуцио о королеве Маб (Меб, Мэб) [16, с. 30-31]. Если во «Сне в летнюю ночь» в античных Афинах появление шотландца Робина можно расценивать как обнажение сновидческой природы действия – то возникновение «повитухи фей» в *трагедии* кажется куда более неожиданным. Меркуцио, собственно, связан с двумя контекстами: со внутренним драматургическим – и со внешним (мотивы фейри, шутовства, фраза о чуме, из случайного восклицания в начале пьесы превращающаяся в проклятие).

I. Меркуцио как персонаж пьесы. Антагонизм с Тибальтом

Творчество У. Шекспира, закрепившееся в британском театре после реставрации 1660 года, к XVIII веку стало предметом национальной актуализации и текстологического интереса. Полные собрания сочинений драматурга выпускались в 1709 (первое научное издание Н. Роя), 1725, 1733, 1744, 1765, 1773, 1790 годах [12, с. 54-55]. Сделанная Д. Гарриком в 1748 году на сцене Друри-Лейн постановка справедливо считалась близкой к оригиналу в плане текста и сохранялась на сцене до 1845 года [4, с. 58]. В апреле 1760-го года Д. Гаррик несколько раз исполнил роль Меркуцио, уступив заглавную роль Ромео иному актёру [3, с. 206]. Известно, что Д. Гаррик играл героев разных возрастов: и вряд ли игра 43-летнего актёра может указать на господствовавшие представления о возрасте персонажа.

Существует портрет Дж.У. Додда в образе Меркуцио – гравюра 1775 года. Но герой показан одетым в партитулярное платье по моде середины XVIII века и ничем, кроме указующих жестов, не выделяется.

Первое появление Меркуцио в печатной графике не как амплуа – можно предполагать в 1789 году, когда Дж. Бойделл и ряд художников взялись за воплощение проекта Национальной Шекспировской галереи (предполагалось создание музея и его обеспечение через печать гравюр, но к 1805 году завершился финансовым крахом. Целью бойделловского проекта объявлялось «установление английской школы исторической картины» [4, с. 5-7] – предлагалось не собирание портретов в ролях, но национальное возвеличивание самих произведений У. Шекспира. Среди изданных гравюр – иллюстрация (инвенторы Дж. С. Фасциус, Дж. Г. Фасциус, В. Миллер) к балу у Капулетти (ил. 1). Композиция офорта выполнена в академична и театрализована: основное действие разворнуто на переднем плане подобно рельефу, с двух сторон замкнутому кулисами. Ромео и Джулетта узнаются в двух фигурах слева, справа видны сеньор Капулетти и Тибальт (узнающий Ромео среди гостей). Угадываются близ влюблённых друзья Ромео – Меркуцио и Бенволио. Один из них, опершийся на спутника – дан в нарочито неустойчивой позе; ноги его заведены одна за другую. Направленность персонажа на зрителя перекликается с такой же – у Тибальта и у мальчика (вероятно, слуги) на другом краю сцены. В результате Тибальт и персонаж с перекрещенными ногами рифмуются, фланкируя кулисы: но – налицо энергичность Тибальта при мягкой, вялой пластике его композиционного «двойника». Уместно ли полагать, что в работу заложен мотив дуэли, где Меркуцио будет убит? Заметим также, что шляпа *атектонического персонажа* напоминает феску и украшена пышным пером.

Последующая традиция графики – показывает, данный персонаж вполне мог быть тождественен Меркуцио в восприятии художников рубежа XIX – XX веков. Гравюры, заказанные Дж. Бойделлом, переиздавались неоднократно – думается, что не случайно мотив скрещенных ног и атектоничной позы наследуется в

акварели Э.О. Эбби «Смерть Меркуцио» 1904 года (твёрдость-незыблемость Тибальта – от обратного – подчёркнута полосатой отделкой апсиды собора: одежда Тибальта включает орнамент из полос); в иллюстрации сэра Ф.Б. Дикси 1909 года (около Меркуцио – головной убор вроде фески) (ил. 2.). На грани нарушения пропорций – скрещиваются ноги героя на рисунке Ф. Пеграма: вновь Меркуцио показан бессильно висящим – его лишь слегка придерживают друзья (ил. 3). Эта линия, видимо, подкреплялась также театром и фотографией – начиная со второй половины XIX века: на фото из постановки Ч. Фромана – видны те же мотивы (ил. 4).

Распространялась ли такая иконография вне впоследствии?

Есть основания видеть продолжателя этой иконографической линии в советском графике С.Г. Бродском – в последней четверти XX века (1982) он создаёт иллюстрации к «Ромео и Джульетте», где применяет принцип панорамного «театрального» разворачивания листа. Фигуры, фланкирующие сцену – Меркуцио и Тибальт. И здесь – те же скрещенные ноги Меркуцио. Сам герой, чей берет украшен пером, в отличие от согнувшегося, но твердо стоящего соперника – прислоняется к колонне [13, с. 127] (ил. 5). К мотиву опоры Меркуцио на шпагу и на архитектурную деталь (правда, на руст стены), а также головного убора-фески обращался в 1959 – 1963 годах и Д.А. Шмаринов (ил. 6).

Реже встречается изображение Меркуцио как друга Ромео и Бенволио, не имеющее устойчивой иконографии. Порой эта тема открывает пространство ренессансных цитат – так, в одном из эскизов к «Ромео и Джульетте» В.Н. Мягков (рук. В.Ф. Рындина) в 1966 году показывает диалог трёх приятелей, обращаясь к композиционному приёму кватроченто. Два персонажа оживлённо беседуют – а третий, между ними, повернувшись почти фронтально, обращает взоры вдаль (ил. 7). Этот приём хотя и переосмыслен, но отчётливо близок к беседе ангелов в «Крещении» Пьетро делла Франческо или к его разговору благородных мужей в «Бичевании Христа» (где фигура по центру трио одета в красное, как и Ромео в эскизе).

Особняком стоит мотив фиолетовых одежд Меркуцио. Цветовая дифференциация Монтекки (чаще синий и холодные тона) и Капулетти (красный и тёплые тона) – прижилась по меньшей мере начиная балета С.С. Прокофьева (с 1938 года). Укрепил тенденцию фильм Ф. Дзефирилли 1968 года. Эта же тенденция у Д.А. Шмаринова, С.Г. Бродского. Проблема, однако, в ином: Меркуцио далеко не всегда облачён в фиолетовый, составный из красного и синего – и цвет его одежд не всегда связан с контрастом семейств. В акварели Э.О. Эбби это противопоставление Тибальту: твёрдо стоящему, в красном – тогда как рядом лежит бессильный Меркуцио в холодных тонах, в синем и лиловом.

В «Ромео и Джульетте» Ж. Пресгурвика (например, во французской версии 2010 года) и лиминальность, и неустойчивость Меркуцио подчёркнуты уже в сравнении с семьями: Меркуцио, по роду не являясь членом ни одного из кланов, обретает условно «пограничную» роль.

II. Меркуцио и фейри. «Шекспировская» королева Маб.

Меркуцио – персонаж, усиливающий в пьесе тему инообразия. Выше отмечалось, что реакция Меркуцио на слова Ромео о снах – развернутый монолог про «повитуху» Маб – загадочна. Но объясняется монолог отчасти и последующим развитием действия: Меркуцио приглашает своих друзей не просто на бал, но на маскарад, в пространство мифа и перевоплощений.

Возвращаясь к теме цветовой граничности, пластической эфемерности Меркуцио, нужно прибавить, что предромантизм второй половины XVIII века отмечен ростом внимания к народным сюжетам фейри (при этом фейри часто упоминались в произведениях У. Шекспира – тогда обретавшего значение национального автора).

Иоганну Генриху Фюзели, участнику проекта Дж. Бойдэлла, стоявшему и у истоков *fairy painting*, принадлежит ряд картин с феей Маб в трактовке, близкой к той, что У. Шекспир вложил в уста Меркуцио: Маб – королева-проказница, навевающая сны и чувства. Несмотря на то, что в работах И.Г. Фюзели Маб нередко

занимает значительную часть холста и не использует колесницу, «шекспировский» характер феи ощутим [15, с. 146-149]. Мотив «постромок из тончайшей паутины», «хомутов из лунного луча» – в вариантах 1795–1796 годов прослеживается через головной убор в виде прозрачного балдахина, а во варианте 1815 года через насекомое, хоботком пьющее из сосуда, и через тонкий жезл Маб (ил. 8-10). Бытует версия, что паутинность Маб может отсылать к королеве Елизавете (тема спиц и лучей связана с елизаветинскими воротниками). Имя же «Маб» иногда возводят к характеристикам развратниц [1, с. 238-239; 17, с. 218].

Подобно образу Меркуцио, образ Маб впитывает в себя реминисценции античности и ренессанса: локальность цвета и лаконизм драпировок, монументализация рук – восходят к Микеланджело, с образами чьих Сивилл (кстати, также прорицательниц!) художник был знаком по пребыванию в Италии (1770 – 1778 годы). Крохотные фигурки, без труда проносящие тяжелые блюда, адресуют к третьему помпейскому стилю, открытого раскопками близ Везувия после 1748 года. Полумесяц в причёске – явно говорят о ночной природе феи и отсылает к атрибуту Дианы (богини пограничной, девственницы, охотницы): этот образ, как и образ бездетной королевы Елизаветы, интересно перекликается с фольклорной бездетностью фейри, воровавших младенцев.

Красные заостренные башмачки Маб, бусы в её руках, и восседание по-турецки – вводят восточную тему, но не исключено, что продолжают и тему женщины распутной и властной: те же решения, например, встречаются в образе заглавной героини картины «*Мадам Помпадур в образе гадалки*» Шарля ван Лоо из музея декоративных искусств в Париже.

Слева от Маб – маска: что напоминает вновь о Меркуцио и маскарадности.

Если обратиться к постановкам мюзикла Ж. Пресгурвика, можно заметить тенденцию всё возрастающего «шутовства» Меркуцио: во французской версии 2001 года Меркуцио прописан не столь детально и раскрыт лишь через схватку с Тибальтом; Меркуцио в исполнении З. Берецки из венгерской версии 2004 года

(реж. М.Г. Кериньи) – уже, напротив, выводится чуть ли не на первый план, отличаясь от прочих веронцев плоскими шутками, броскостью костюма, речью с прямыми вставками из У. Шекспира. Во дополненной французской постановке 2010 года – Меркуцио (в исполнении Джона Эйзена) принадлежат практически все репоставки, пророческая линия усилена до предела, наконец вводится упоминание Маб. «Я сплю и вижу сны, мне снится смерть моего врага, мне снится этот город, охваченный пламенем...» – поёт Меркуцио в первом акте, предсказывая события второго. Песня начинается как пародия на предыдущую «Les rois du monde», где Ромео с приятелями пели: «Мы – короли мира здесь, внизу, и нет ничего важнее, чем жить свободно». Меркуцио же заявляет пораженным друзьям: «Короли мира? Короли пустоты!..» В момент, когда Меркуцио грезит о гибели заклятого врага, прожектор высвечивает фигуры Смерти и Тибальта: Смерть взмахивает рукой, и Тибальт падает, сражённый. Длинные кудрявые волосы, кокетливые жесты усиливают неоднозначность, травестийность образа.

Травестийного Меркуцио можно встретить и в советских театральных эскизах – у В.Ф. Рындина (одежда героя сочетает образы рыцаря и монахини), у В.А. Людмилина (поза Меркуцио, в отличие от поз прочих персонажей, изломана, он женственно вытянут, выявлена каркасность его пачки и воротника) (ил. 11-12).

Соединяет сразу несколько интенций статуэтка «Сергей Корень в роли Меркуцио» В.И. Мухиной для ЛФЗ (1948 года, по балету С. Прокофьева) (ил. 13). Т.Л. Астраханцева трактует работу как воплощение гуманистического «стиля Победы» – выраженного в мощности складок, в монументальности образа [7, с. 7; 10, с. 37]. Но здесь же – Меркуцио атектонично опирается на шпагу (тонкое, гнувшееся оружие), ноги его – вновь скрещены. Примечательна кошачья маска, лежащая на пьедестале. С одной стороны, эта маска напоминает маску самого Меркуцио на ранних балетных фотографиях. С другой – читается мотив пародирования Тибальта: в пьесе Меркуцио неоднократно оценивает своего соперника как «кошачьего царя». Маска, внешне уподобленная голове сражён-

ного врага – ещё и указание на будущего убийцу. Бравада Меркуцио – бравада не шута-триумфатора, но обречённого провидца, лишённого твёрдых опор.

Подводя итог, можно отметить несколько ракурсов, с которых прочитывается иконография Меркуцио. Первый ракурс относится к герою в рамках системы пьесы: это соперник Тибальда, фигура меж двух кланов, друг Ромео и Бенволио. Иконография, связанная с «драматургическим» пониманием Меркуцио, устойчива: персонаж в феске или в берете с пером, со скрещенными ногами и в атектоническом, подвешенном состоянии; в параллели с ним часто – Тибальт. Эти мотивы восходят как минимум к проекту Шекспировской галереи Дж. Бойделла и сохраняются вплоть до рубежа XIX – XX веков, заявляя о себе и впоследствии (у В.И. Мухиной, С.Г. Бродского). Второй ракурс более широк и связан с темой фейри и феи Маб. Мотивы травестийности, «насекомых» перемычек и тонких паутинок-лучей – становятся общими для «повитухи снов» и Меркуцио.

Образы Меркуцио и «шекспировской» Маб стали и полем для художественных наследований между Англией конца XVIII века, англоязычной средой рубежа XIX – XX веков, советскими авторами, пространством для ренессансных и античных цитат.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Findlay A. Women in Shakespeare: A dictionary. London., 2010.
2. Porter J. Shakespeare's Mercutio: His History and Drama. Chapel Hill (NC)., 1988.
3. Stone G. W. Romeo and Juliet. The Source of its Modern Stage Career // Shakespeare Quarterly. Vol. 15, № 2. Oxford., 1964. Pp. 191–206.
4. The Boydell gallery: A collection of engravings illustrating the dramatic works of Shakespeare, by the artists of Great Britain. London., 1874.
5. Utterback R.U. The Death of Mercutio // Shakespeare Quarterly. Vol. 24. No. 2. Oxford., 1973. Pp. 105 – 116.

-
6. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982.
 7. Астраханцева Т.Л. Два портрета Галины Улановой: от экспрессивной романтичности к «кротной голубке». О балетных скульптурных образах Веры Мухиной. М., 2012.
 8. Добрынин Г.А., Летин В.А. Король в художественном универсуме Шекспира: метафизический аспект // Мир русскоговорящих стран. № 7 (1). Ярославль., 2021. С. 93-110.
 9. Захаров Н.В. «Ромео и Джульетта» Шекспира в критике и поэтике А. С. Пушкина // Знание. Понимание. Умение. М., 2017. С. 170-183.
 10. Кислицына А.Н. В.И. Мухина как отражение многогранности творчества и устремлений советской эпохи // Сборник трудов конференции «Вера Мухина – гордость России. К 135-летию со дня рождения выдающегося советского скульптора». СПб., 2024.
 11. Красавченко Т.Н. Воображение и фантазия как категории английской поэтики XIX в. Литературоведческий журнал. № 33. М., 2013. С. 83-113.
 12. Луценко Е.М. «Чума на оба ваши театра»: Трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта» на английской сцене эпохи Просвещения // Вестник Вологодского государственного университета. Исторические и филологические науки. 2024. № 4.
 13. Мордашева А.В. Иллюстрирование Шекспира в контексте культурной эпохи // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурном коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2020. № 4 (8).
 14. Подоляк Ж.И. Фрагменты Елизаветинской картины мира как объект комментария к пьесам У. Шекспира // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда., 2008. С. 319 – 326.
 15. Сурикова А.С. Потустороннее в живописи И.-Г. Фюсли // Начало: журнал Института богословия и философии. СПб., 2013. № 27. С. 133 – 159.

16. У. Шекспир. Полное собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1958. Том 3.
17. Яковлева А.Е. Образ повитухи в произведениях Уильяма Шекспира // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLI всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2022. С. 214 – 222.

Интернет-источники

Rómeó és Júlia - Hungary 2005 - Akt 1. URL: https://vkvideo.ru/video-40385084_456239273

Rómeó és Júlia - Hungary 2005 - Akt 2. URL: https://vkvideo.ru/video-40385084_456239274

Romeo et Juliette 2010. URL: https://vkvideo.ru/video-180239732_456239068?t=12m8s

Мюзикл Ромео и Джульетта (2001). URL: https://vkvideo.ru/video-41813928_165640630

*Ponomarev I. I.,
Rink A. A.*

**A GUIDE BETWEEN WORLDS: ICONOGRAPHY OF
MERCUTIO AND THE MAB FAIRY IN THE VISUAL
ARTS AND ARTISTIC PRODUCTIONS. PARALLELS,
QUOTATIONS, INTER-REGIONAL INTERACTIONS.**

Towards the problem statement

Annotation: In the article, the iconography of Mercutio (from Shakespeare's 'Romeo and Juliet') is reviewed, such as the iconography of the closely linked character, Fairy Queen Mab. Variety of specific visual representative motifs on the theme are supposed – from the last part of the XVIII century to the current period. Constant visual variations of Mercutio's appearance are problematized.

Keywords: Romeo and Juliet, Mercutio, Queen Mab, visual art, theatre.

I. I. Ponomarev (2nd year Master's degree student, Saint Petersburg State University, Institute of History, Saint Petersburg, Russia)

A. A. Rink (Bachelor's degree (issue 2024), St. Petersburg State University, Faculty of Liberal Arts and Sciences; head of the theater studio "Gran" (PMC "Berezka"); Director of the "Theater-Under-the-Hill", St. Petersburg, Russia)

Иллюстрации

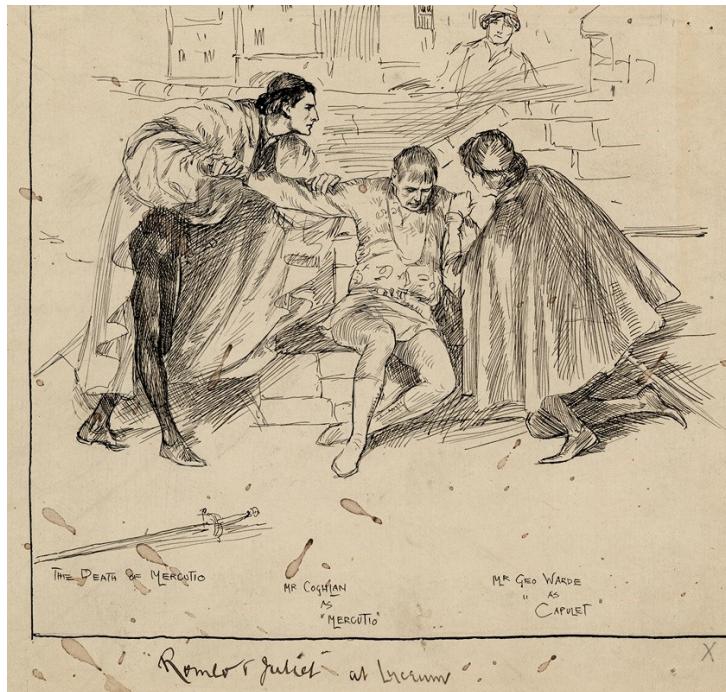
Ил.1. Дж. С. Фасциус, Дж. Г. Фасциус, В. Миллер (инв.). Иллюстрация к «Ромео и Джульетте», акт 1, сцена 5 (сцена на балу Капулетти). 1789. Офорт (?). Местонахождение неизвестно.

Источник: *The Boydell gallery : A collection of engravings illustrating the dramatic works of Shakespeare, by the artists of Great Britain. London., 1874.*

Ил. 2. Ф. Б. Дикси. Смерть Меркуцио («Ромео и Джульетта», акт III, сцена 1). Ок. 1909 (?).

Источник: Галерея иллюстраций к произведениям Шекспира из знаменитых произведений искусства. Бостон., 1909.

Ил. 3. Ф. Пеграм. Сцена смерти Меркуцио. Перв. треть XX в.
Фолдже́ровская Библиотека Шекспира (Вашингтон, округ Колумбия)

Ил. 4. Неизв. автор (Byron Company, New York). Сцена смерти Меркуцио. Из постановки Ч. Фромана (1899 г.) по «Ромео и Джульетта» У. Шекспира. Фотография 1899. Музей города Нью-Йорк.
Источник: <https://www.jstor.org/stable/community.12113110...>

Ил. 5. С.Г. Бродский. Сцена бала в доме Капулетти (иллюстрации к «Ромео и Джульетте»). Линогравюра. 1982.

Ил. 6. Д.А. Шмаринов. Из иллюстраций к «Ромео и Джульетте». Бум., акв. 1959 – 1963.

Ил. 7. В.Н. Мягков (рук. В.Ф. Рындина). Эскизы костюмов. Х., м. 1966. 100 x 50. Музей Академии Художеств им. И.Е. Репина.

Ил. 8. И.Г. Фюзели. Фея Маб. Ок. 1795 - 1796.
Х., м. 63 x 75,5. Частное собрание, Цюрих.

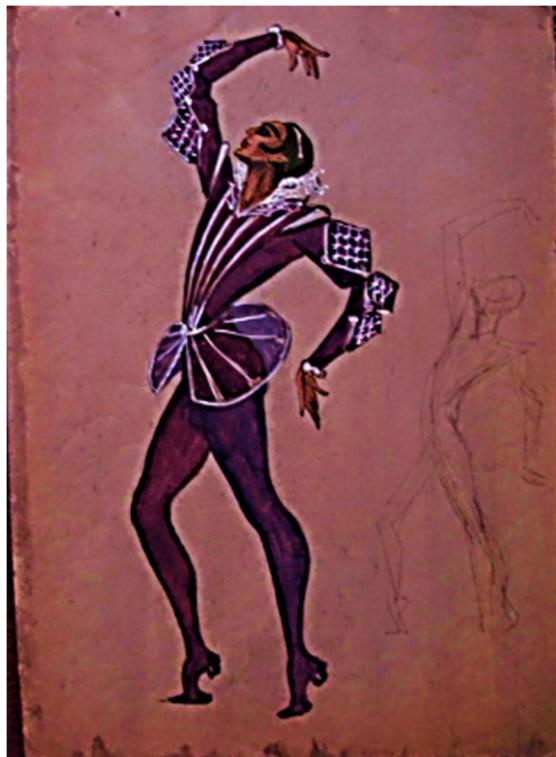
Ил. 9. И.Г. Фюзели. Фея Маб. Ок. 1795 - 1796. Х., м. Частное собрание, Базель.

Ил.10. И.Г. Фюзели. Фея Маб. 1815 – 1820. Х., м. 90 x 70.
Фолдженсовская Библиотека Шекспира (Вашингтон, округ Колумбия).

Ил. 11. В.Ф. Рындин. Эскиз костюма Меркуцио.
бумага, графитный карандаш, акварель. 1955.
20,8 x 28,8. Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина (из Театра Вахтангова).

Ил. 12. В.А. Людмилин. Эскиз одежды Меркуцио для балета С.Прокофьева «Ромео и Джулетта». 1970-е. Свердловский областной краеведческий музей имени О. Е. Клера.

Ил. 13. В.И. Мухина. "Сергей Коренев в роли Меркуцио" (балет «Ромео и Джульетта»). Вид спереди и сзади. Фарфор. 1948 – 1949.

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Сборник статей по итогам научной конференции
28 октября 2025 г.

Подписано в печать 1.12.2025. Формат 60x84/16

Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 8,75. Тираж 100 экз.

РИСО Брянского государственного университета им. акад. И.Г.
Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20